

Марианна
Алферова

ЛИГА
МАРТИНАРИЕВ

Марианна Владимировна Алферова

Лига мартинариев

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57386020

Аннотация

В обычном городе (в недавнем прошлом, сейчас, или уже в ближайшем будущем) живет молодая женщина Ева. Жизнь ее не задалась – родители умерли, ее опекает старший брат, который все время ее контролирует и постоянно доказывает, что младшая сестра поступает неправильно и выбирает не те цели. Муж бросил ее и ушел к другой, ребенка она потеряла еще до рождения, работает в благотворительном фонде «Око милосердия» и работу свою искренне ненавидит, но почему-то считает, что обязана работать именно здесь и помогать ближним. Год за годом она позволяет торжествовать над собой ничтожествам, уверенная, что такова ее судьба – попадать из одной беды в другую. Условный город одновременно и провинциален, и является культурным и научным центром, а жизнь города – в принципе похожа на обычную жизнь – есть мэр города, которого жители вроде бы даже уважают и почти ласково именуют Стариком, его беспутный сын Иннокентий (Кентис) попадает из одного скандала в другой, а самым известным человеком в городе является Андрей Орас – энергичный бизнесмен, покровитель благотворительной организации «Око

милосердия». Город живет тихо и сытно, но что-то с этой жизнью не так. Почему кончает жизнь самоубийством бывший муж Евы Сашка? Почему она сама стремится страдать, а не быть счастливой? Почему Кентис то ухаживает за Евой, то издевается над нею, а потом устраивает пожар в ее доме? Почему сводный брат Павел так презирает Еву, а первый человек города Андрей Орас ищет с нею знакомства?

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	10
3	12
4	24
5	29
6	33
7	37
8	42
9	54
10	57
11	61
12	69
13	76
14	79
15	82
16	85
17	90
18	98
19	102
20	107
21	110
Часть 2	116

1	116
2	126
3	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Марианна Алферова

Лига мартинариев

Часть первая

Грязный ангел

1

Дверь захлопнулась, сердито звякнув стеклами. Отделанные мрамором ступени вели наверх. Но человек не торопился уходить, хотя в дверном стекле за его спиной покачивалась неприветливая табличка «закррито». Это означало, что уже наступил рассвет. С некоторых пор он научился различать время дня и ночи по таким приметам. Часы он выбросил – они ему были не нужны. Можно посмотреть время на мобильнике. Но мобильный он оставил дома: нормальные люди ему давно не звонили, а тех, кто мог позвонить, он искренне ненавидел.

Молодой человек вытянул из мятой пачки сигарету, долго щелкал зажигалкой и, наконец, прикурив, стал подниматься наверх, цепляясь за ажурную плетенку чугунных перил, будто утопленник, всплывая со дна. Наконец, пошатываясь, он

застыл на серой кромке асфальта. Город, освещенный первыми косыми лучами солнца, еще спал, и проведенный бессонную ночь человек позавидовал этому безмятежному покою. С первого взгляда парня можно было принять за юнца, но внешность его была обманчива. Высокий лоб под коротко остриженной черной челкой, короткий прямой нос, изменчивый рот, в уголках которого гнездилась усмешка – это лицо могло принадлежать человеку как восемнадцати, так и тридцати лет.

Выйдя из бара, парень несколько минут стоял, оглядываясь по сторонам и прикрывая ладонью покрасневшие глаза. Судя по всему, он просто не знал, куда идти. Сделал несколько шагов и остановился. Нырнул в узкий переулок, но тут же, будто испугавшись чего-то, выскочил назад, на проспект, пересек его бегом и углубился под сень раскидистых деревьев городского парка. Здесь, плюхнувшись на ближайшую скамейку, он продолжал нетерпеливо оглядываться. Несмотря на то, что он провел ночь в баре, парень не был пьян. Ну, разве что самую малость, хотя странный блеск в его глазах настораживал.

«Наркоман», – подумал о нем мужчина средних лет, ведущий собачку на поводке.

Выгнанный из дома в шестом часу в воскресенье непоседливым псом, мужчина постоянно зевал.

– Не бойся, сри в свое удовольствие! – крикнул парень то ли собачонке, то ли ее хозяину.

– Спасибо, – смутившись от подобной беспардонности, ответил хозяин собаки.

– Кстати, а какой сегодня день?

Хозяин собаки зевнул, выворачивая челюсть, и выдохнул вместе с зевком:

– Воскресенье.

– Ах, черт! Опять воскресенье! – парень в сердцах грохнул кулаком по скамейке. – Что же мне теперь делать?! – Владелец собаки недоуменно пожал плечами. – А ты случайно не получал послания? Нет? – Оторопевший мужчина после краткого раздумья отрицательно замотал головой. – Как жаль. Я, признаться, подумал, мы с тобой собратья по несчастью.

Хозяин собаки ухватил своего любимца за ошейник и поволок прочь.

– Постой! – окликнул его парень.

– Ну что еще? – с раздражением отозвался собачник и оглянулся.

Парень неторопливо шел к нему, держа в руках нож. Клинок ослепительно сверкал в косых лучах солнца.

– Кошелек, – ухмыляясь, потребовал парень.

– У меня нет, – дрожащим голосом ответил мужчина и, присев на корточки, принялся гладить собачку – пес его был из той же безобидной породы, что и хозяин, потому что умильно замахал хвостиком, приветствуя незнакомца и преданно заглядывая в глаза. – Кто же, сам посуди, ну подумай,

кто идет гулять с собакой и берет кошелек... В шесть утра в воскресенье.

– Твоя правда, – согласился парень. – Тогда вали отсюда.

Несчастному собачнику не надо было повторять это дважды – он бросился вон из парка наперегонки со своим псом. А парень, не обращая внимания на то, что жертва и единственный зритель в одном лице давным-давно исчез, продолжал разглагольствовать вслух:

– Кстати, а где же пресса? Неужели они забыли про бедного Кентиса? Почему никто не фотографирует? Я что, зря старался, и сегодня уже не попаду в новости? Нет, ребята, так дело не пойдет, – парень погрозил кому – то невидимому пальцем. – Не волнуйтесь, я уж постараюсь вас сегодня достать.

Слегка покачиваясь, он побрел по пустынной аллее парка. На секунду остановился, залюбовавшись золотым светом, падающим на дорожку, но тут же воровато оглянулся, опасаясь, что его могут заметить за недопустимым занятием.

– Воскресенье. А куда податься в воскресенье, как не на Звездную? В собор. Конечно же! Скандал в соборе – что может быть лучше для вечернего выпуска новостей в воскресенье?

2

Удар пришелся как раз между лопатками. Я сделала два нелепых прыжка вперед, но все равно не удержала равновесия и растянулась на мостовой. Наждак асфальта мгновенно содрал кожу с ладони. Не вставая, я обернулась и глянула на того, кто меня толкнул. Здоровенный детина в майке и джинсах с плоским лицом, на котором выделялся короткий пороссячий носик. Он нагло смотрел на меня в упор и ухмылялся, скрестив на груди загорелые руки. Даже обозвать его как следует за подобную выходку я не решалась. Эта невозможность была особенно унижительна. И так, продолжая сидеть на асфальте, я затряслась от обиды и унижения. Пелена слез застала глаза.

– Что случилось? Вам плохо? – женский голос долетел как будто издалека.

Какая-то женщина лет сорока пыталась поднять меня под мышки и поставить на ноги. Кроме нее, рядом никого не было. Верзила исчез. Лишь его наглая ухмыляющаяся рожа осталась стоять перед глазами.

– Вам плохо? – вновь спросила женщина.

– Очень, – пробормотала я.

Объяснить случившееся я не могла. Какая – то мелочь. Но мелочь нестерпимо обидная. И тут заметила свою сумочку. Она выпала у меня из рук, когда я выделявала кульбиты,

пытаясь удержаться на ногах. Ничего ценного там не было. Ну, разве что несколько заявок из «Ока» с резолюцией Собакиной «Отказать». Но ведь курносый об этом ничего не знал... Или... знал? Во всяком случае, моя сумка его не интересовала. Тогда что? Что ему было нужно? Я разглядывала асфальт, как будто собиралась прочесть ответ прямо на мостовой. Но ответа не было.

Как могла, я отряхнула свои светлые, безнадежно испорченные брюки, перекинула сумку через плечо и зашагала дальше. Домой.

Но мне казалось, что некто следует за мной по пятам. Как тень. Несколько раз я оглядывалась, но никого не видела. Люди вокруг спешили по своим делам. Им не было до меня дела. Неведомая тень всякий раз где-то пряталась. И я не могла различить – где.

Звонок в дверь был до боли знаком. Два длинных звонка и один короткий, потом опять длинный. С перепевами. Я отложила книгу и зачем-то посмотрела на часы. Как будто проверяла, может в этот час Сашка звонить в дверь или нет. Вот глупая! Он же год как ушел. Неужели целый год? Только теперь я ощутила огромность отмеренного срока. Год. Или вчера? Время как будто остановилось. Да и как оно может двигаться, если каждый день я только и делаю, что вспоминаю то, что ушло безвозвратно? Да, это Сашкин звонок, с другим не спутать. Я помедлила и пошла открывать. В дверях стоял Сашка – золотоволосый мальчик с улыбкой не падшего ангела.

– Ева, я к тебе, – сказал он и вошел, будто это все еще его дом. – По делу.

Я попыталась улыбнуться в ответ: разумеется, по делу. Зачем же еще? Я давно перестала надеяться на его возвращение, и даже перестала этого желать.

– Ты глупенькая, – сказал он, оглядывая раскиданные по комнате вещи и жадно втягивая носом воздух.

«У твоего дома – особый запах», – любил повторять он когда – то.

– У тебя был шанс спастись, но ты его упустила. Теперь я ничем не могу тебе помочь. Уже ничем.

Кажется, о помощи он говорил и тогда, когда год назад уходил от меня к Лидке. Мол, наступит момент, и ты поймешь всю степень моего благородства. Я тебе спасаю, а не бросаю. Прошел год, но я так ничего не поняла. И опять спросила:

– И что всё это значит?

В ответ он пожал плечами. Мне показалось, что моего вопроса он не слышал.

– Я ушел, – сказал он, – можешь меня спрятать?

– От Лидки ушел? – уточнила я, не понимая, почему в таком случае он должен прятаться.

– Вообще ушел. От *них*. Так спрячешь?

Я пожала плечами, что могло означать и «да», и «нет». Меня не радовал его приход. Рана только – только начала подживать, а тут он пришел надрывать подсохшую корочку. Больше всего на свете мне хотелось вытолкать его за дверь. Но я стояла и не двигалась.

Сашка остановился перед зеркалом и принялся рассматривать свое отражение.

– Волосы грязные. А я и не заметил. Вчера только мыл. Лидка терпеть не может грязных волос.

Сашка бесцеремонно полез в шкаф, достал свое любимое полотенце в красную полоску и, шаркая ногами, побрел в ванную. Вид у него был абсолютно разбитый и жалкий. Он болезненно сутулился, и куртка на нем сидела вкось, будто с чужого плеча.

– Ты болен? – спросила я, идя следом и пытаюсь припомнить, какой надо с ним быть – внимательной, многословной, задумчивой, какая «я» ему нравилась прежде. Но ничего не вспоминалось. Ничего.

Мой вопрос задел его, он замер, ощупывая в коридорной темноте смутно – знакомые двери.

– Наверное, да. Включи «Танец», и погромче, – он махнул рукой, отсылая меня, будто горничную.

Если он просил поставить «Танец смерти», то настроение у него было паршивое. Впрочем, у него часто бывало паршивое настроение. Особенно в последние дни нашего совместного бытия. Тогда «Танец смерти» крутился целые сутки неостановимо. Теперь он слушает его вместе с Лидкой или один? Я была уверена, что Лидке нравится совсем другая музыка.

Сашка вернулся из ванной, закутанный в полотенце, как римлянин в тогу, плюхнулся в кресло и стал слушать, прикрыв глаза покачивая в такт головой. Он балдел от каждой музыкальной фразы.

– Пашка процветает, – сказала я, чтобы хоть что-нибудь сказать, разумеется, невпопад. – В команде у Старика. За-мом.

Сашка поморщился – его не интересовали успехи моего сводного брата – и предостерегающе поднял палец. Тут был его любимый переход, когда внезапно, перебивая бесконечную, разлитую озером грусть, вступали трубы – то ли ар-

хангельские, то ли военные, из старинной армейской побудки, заглушая тоску поражения и смерти. Современный музыкант вдохновенно передрал полонез Огинского, сумев сохранить невыразимую первобытную печаль, так сладко тревожащую славянскую душу.

– Еще, – выдохнул Сашка едва слышно, когда мелодия отзвучала, и я послушно включила повтор.

Сашка поднял на меня глаза и, вздохнув, попросил жалобно, будто ребенок, выпрашивающий конфетку:

– Евочка, пойдём со мной. Поговоришь с Лидкой.

– Ты же просил тебя спрятать, – напомнила я.

Лицо его передернулось, будто я напомнила о чём-то неприятном.

– Лучше все-таки поговорить. Объясни ей, что так, в конце концов, нельзя, – он тряхнул головой, и с волос его полетели брызги. – Если бы ты знала, как она меня мучает. Невыносимо! Только почувствует, что мне больно, и давай ковырять, чтобы еще сильнее, чтобы еще... – он задохнулся от горечи, будто сейчас разговаривал не со мной, а с Лидкой. – А сама при этом смеется. Я кричу: «Не надо, прекрати!» А она в ответ: «Зачем обижаться, дорогуша? Это глупо!»

Он вновь замолчал, вслушиваясь в мелодию. Я не понимала из его слов ничего.

– Ты все-таки моя жена.

– Бывшая, – уточнила я.

– Неважно. Все равно жена. Пойдем сейчас к Лидке, и ты

ей все расскажешь.

– Что – «всё»?

– Как надо любить. Ты-то меня любила, я знаю. И сейчас любишь. Ты ее научишь, и она меня пожалеет.

Он вскочил и полез в шкаф, позабыв, что его вещей там давным-давно нет. Недоуменно порылся в моих тряпках, наконец опомнился, хлопнул себя по лбу и побежал в ванную одеваться. «Учить жалеть». Кое-кого я пыталась научить этому искусству. Но, насколько я знала Лидку, здесь случай безнадежный.

Пока мы шли – а идти было два квартала, – он все время глядел на часы и бесцеремонно подталкивал меня в спину, будто опасался, что мы можем опоздать. За этот год он сильно изменился, и я не могла понять, зачем он вообще пришел. Не уговаривать же Лидку полюбить его, в самом деле.

Город у нас странный, нервный какой – то, будто весь сведенный судорогой. Хотя внешне многие находят его привлекательным. Впрочем, нервные женщины часто пользуются успехом у мужчин. Так и наш город привлекает, тревожа. Впрочем, за последние годы он сильно принарядился: обветшалые фасады заново отштукатурили, ярко раскрасили и снабдили новенькими дверьми и крылечками. Особенно популярными сделались елочки и туи в кадках и огромных керамических горшках после того, как Старик завел их перед мэрией. Весь город можно сравнить с тусклой серой вещичкой, местами, в сердцевине, она сверкает аляповатой позо-

лотой, тогда как края облуплены и грязны. Нарядность всегда для избранных – как норковое манто для шикарных любовниц. Остальные по-прежнему носят примитивные мешки с выпушкой из искусственного меха.

А квартира Сашки была в самом убогом районе. Блочные коробки, обветшавшие в ожидании обещанного капремонта, они сбились в кучу, теснимые частными коттеджами, безвкусными, несоразмерными, с бесчисленным количеством окон и дверей по фасаду. На коттеджах все помешалось. Идешь по улице – глядь, там, где вчера был сквер, торчит коттедж, или на месте старой бани – целая грибница.

Сашка жил в девятиэтажке на третьем этаже в крошечной квартирке, почти такой же запущенной, как и мой полудомишко. К тому же рядом на месте сквера построили двадцатиэтажный дом, закрыв для старой девятиэтажки солнце.

«Зря иду, – подумалось мне, – Лидка еще вообразит, что я пришла унижаться, вымаливать Сашку назад. А, ладно! Пусть думает, что хочет. Мне плевать. То есть, не плевать, конечно, но я могу потерпеть, лишь бы Сашке немного полегчало».

В вонючей темной парадной, обжитой подрастающей девторой да кошками, Сашка вдруг схватил меня за плечи, встряхнул, как куклу, и выкрикнул уже вовсе безумное:

– Сначала они сделали из меня дойную коровку. Теперь хотят, чтобы я стал погонялой. А я не буду, сказал, не буду, и всё! И плевать на всех несчастеньких, которых они при-

гревают!

Из его воплей я поняла лишь одно: ему невыносимо плохо.

Лидка сидела на кухне в розовом махровом халате на голое тело и ела пельмени со сметаной. Пельмени большие, круглые, с узорными краешками – такие делают только в ресторанах Ораса. Замечательно вкусные пельмени. Мне сразу захотелось есть. Просто зверски.

– Сейчас перекусим, – потер руки Сашка. – Присаживайся, Ева, – и пододвинул в мою сторону колченогий табурет.

– Пельменей больше нет, – радостно сообщила Лидка и промокнула губы кухонным полотенцем сомнительной чистоты.

– А что есть? – растерянно пробормотал Сашка, сразу потерявшись, вид у него сделался виноватый, жалкий.

– Не знаю. У тебя всегда со жратвой напряженка.

– Ну, тогда выпьем! – он неожиданно развеселился, сгреб на край стола грязные тарелки, достал из обшарпанного шкафчика початую бутылку «Столичной» и стопки. – Девочки, отметим встречу, – приговаривал он, разливая водку по стопкам. – Ева, ты давай, говори, – Сашка слегка подтолкнул меня в бок, напоминая о моей миссии. – Она тебе сейчас все объяснит, – шепнул, наклоняясь к Лидке, и заговорщицки при этом мне подмигнул.

– Объяснит? Она? – соперница брезгливо передернула плечами, будто отгоняла надоедливую муху.

На Сашку в эту минуту она смотрела без всякой приязни.

Глаза у Лидки удивительно красивые, прозрачные, немного навывкате. Загадочные глаза. Вообще, она из тех красоток, при виде которых у всех мужиков поголовно начинают течь слюнки. Только Сашка не из тех парней, кого достаивают вниманием подобные фифы. Странно, как они вообще сошлись. В их союзе было что-то неестественное.

– Пришла забрать его назад? – Лидка окинула меня взглядом, исполненным невыразимого презрения. – Не выйдет. Я буду держать его на привязи, сколько захочу.

– Ты его не любишь!

Я вдруг почувствовала такую сильную боль, что все поплыло у меня перед глазами. Сквозь застилавшую глаза пелену я разглядела, как Лидка довольно ухмыльнулась и сделала Сашке какой-то знак. Бывший муженек подскочил ко мне с неожиданным проворством и крепко ухватил за руки. А Лидка вытащила из кармашка халатика блестящую трубочку, очень похожую на тюбик помады и приложила к моей раскрытой ладони. Меня обожгло так, будто в руку мне вложили раскаленный уголек. Я завизжала, голос сорвался на противный сип. Лидка, довольная, облизнула губы кончиком языка и спрятала тюбик в карман, а Сашка отпустил мои руки. На моей ладони появился аккуратный круглый волдырь. Невыносимое жжение не проходило, а, напротив, усиливалось.

– Ты что?.. – только и смогла выдавить я, от боли и испуга

брызнули слезы. Я закашлялась.

Сашка не ответил. Включив проигрыватель, он дергался под музыку, запрокинув голову к потолку, ничего не видя и не слыша. Лицо его застыло белой маской. Глаза закатились – сквозь веки я видела только полоску белков. Я перевела взгляд на Лидку. Она безмятежно потягивала через трубочку колу и смотрела на меня снисходительным взглядом человека, узревшего червяка.

– Зачем вы это сделали? – пробормотала я, всхлипнув.

– Да заткнись ты! – Лидка непритворно зевнула. – Пойдемте – ка лучше в кино.

– Втроем? – обалдело переспросила я.

– А почему бы и нет? – Лидка улыбнулась. – Будет занятно. Это не секс втроем, но чем-то похоже.

Сказать, что ее улыбка была странной – значит, не сказать ничего.

– Сашка, идем в кино! – крикнула она и брызнула Сашке водой в лицо.

Он пришел в себя.

– Да, да, в кино, – засуетился Сашка, – я только побреюсь, и мы пойдем! – Он ухватил со стола недопитую бутылку «Столичной» и подмигнул нам. – Чтобы не скучно было бриться. А вы, девочки, поговорите по душам. Это полезно иногда. У каждого есть душа, разве нет? Это так интересно, вывернуть душу наизнанку. Лидка, какая у тебя душа? Почему ты мне ее не раскрываешь, дорогуша? – Он рассмеялся

пьяным ненатуральным смехом и полез целоваться сначала к Лидке, потом ко мне. Его рука легла мне на плечо, и все внутри у меня перевернулось. У Сашки были такие мягкие теплые ладони. Как у ребенка.

Сашка вышел, унося в одной руке бутылку, а в другой проигрыватель. И почти сразу же заиграл «Танец смерти».

– Не лезь между нами, дура, тебе же хуже будет, – процедила сквозь зубы Лидка, и, достав косметичку, принялась краситься.

Продельывала она это вдохновенно, причем красила сначала только половину лица: один глаз, половину рта, румяна накладывала на одну щеку, как будто хотела сравнить свое подлинное лицо с этим, новым, ослепительно красивым и еще более стервозным.

– Сашка просил меня помочь, нельзя было отказать, – заявила я напрямик.

– Ах, помочь, – Лидка усмехнулась и прикрыла накрашенный глаз, будто сытая кошка. – Бедный мальчик – новичок, ему трудновато. Зато неподдельность эмоций многого стоит. Такие, как он, в наше время редкость.

Я изо всех сил пыталась понять, о чем таком она говорит. Но ничего не выходило. Каждое слово как будто имело смысл, но все слова вместе ничего не означали. Бред...

«Танец смерти» сменился какой-то бодренькой мелодией. Странно. Неужели Сашка изменил своей привычке? Прежде, если включал «Танец», то слушал только его – хоть

час, хоть два – безразлично, только «Танец».

– Он слишком долго бреется, – заметила я, где-то в районе желудка стала зарождаться противная льдинка.

– О Господи! Мне бы твои заботы! Пусть бреется, да хоть все волосы соскоблит с тела. Никто не знает, что ему может влететь в башку, он же придурок. Или ты не знаешь? Ха-ха! Ты прожила с ним два года и даже не знала, что он придурок?

Музыка смолкла, стало очень тихо. Слишком тихо. Невыносимо. Мертво. Я встала.

– Ты чего? – Лидка невольно поежилась и побледнела. Глаза ее буквально выскочили из орбит, превратившись в две прозрачные стекляшки в обрамлении черных ресниц.

Я бросилась в ванную. Дверь была на задвижке. Я ударила раз, другой, тут подлетела Лидка и навалилась всем телом. Мы вломились внутрь. Проигрыватель стоял на полу. На нем – пустая бутылка из-под водки. А Сашка висел, поджав колени, на струне, зацепленной за батарею парового отопления. Лицо его было разбито в кровь. Задыхаясь, он в судорогах бился об острый кронштейн, державший батарею. Он умер, когда еще звучал «Танец смерти». Я застыла. Сашка, бедный Сашка. Слезы покатались у меня из глаз.

А Лидка подбежала к Сашке и ударила мертвого кулаком по спине.

– Как ты смел! Подонок, как ты смел?! Как смел?!

Сашкина душа не могла еще улететь далеко, и Лидкины вопли хлестали ее плетью. Сашке было больно. Я надеялась,

что в последний раз.

4

Вечер, по-летнему насыщенный теплотой, перетек в ночь. За моим окном маленький городской садик, обсаженный стриженными кустами, а за кустами – пустота, наполненная шумами и запахами нашего захолустного городишки.

.....

Этот ряд точек обозначает именно ее, пустоту, черное, роковое ничто. Я могла бы истоптать точками всю страницу, но надо экономить бумагу. Впереди еще длинный рассказ.

Сашки нет больше, а вещи по-прежнему на своих местах, и люди при них. И между домами продолжает плыть запах пирожков из кафе Ораса. Это запах сытости, но не той, которая торопится набить свое брюхо, чем попало. Запах сытости изысканной, дарующей уверенность в себе. Он зарождается в центре города, на Звездной, стекает по Вознесенскому (в уже давние времена Октябрьскому) проспекту, мимо свежеекрашенных старинных особняков, мимо осевшей на один бок Никольской церкви, возле которой с утра до вечера гудит черный рой нищих, мимо приземистого и безобразного краснокирпичного здания исторического музея, и, покрутившись вокруг дворца екатерининских времен, ныне занятого мэрией, сладковатой вуалью накрывает окраины.

Я сидела у окна, когда зазвонил телефон. На том конце провода внушительный мужской голос произнес:

– Сейчас с вами будут говорить.

Последовала пауза. Наверное, кто – то из людей высших хочет выразить соболезнования. Может быть, сам Старик, если Пашка ему сообщил о несчастье. Меня это тронуло. В эту минуту краткая Сашкина жизнь, оборвавшаяся так нелепо, представилась гораздо значительней. Но никаких соболезнований ни от высших людей, ни от низших не последовало. Тонкий женский голос запищал в трубке:

– Вас призывает Лига мартинариев! Вы – избранные, помните, вы избранные! Ваш путь предопределен. Завтра вам дадут знак. Отныне вы пребываете в тайне. Ваша суть – жертва. Ваш девиз – молчание. Вы избранные...

Я бросила трубку, решив, что какие-то психи ошиблись номером. Поразительно, сколько людей ежедневно набирая номер, нажимают не те кнопки и попадают не туда. А сколько жизней точно так же – не туда? Я вспомнила, как Сашкина мать и отчим стояли на пороге собственной квартиры, а вокруг них громоздились друг на друге только что купленные в магазине коробки с яркими этикетками. Лидка равнодушным и злым голосом сообщила: «Сашка умер». Мать не поняла. Она посмотрела на Лидку, потом на меня и спросила: «Вы же собирались в “Золотой рог”, значит, не едете?» Принесенные коробки три дня, неприкаянные, валялись в квартире, на них сидели за недостатком стульев, во время поминок, и наверняка еще будут сидеть на девять дней и на сорок. Кто-то время от времени спрашивал: «А что там внут-

ри», но открыть коробки никто не посмел. Когда приглашенные выпили и захмелели, и друзья, и родня позабыла, зачем собралась, стали петь и смеяться и болтать о своем. Постепенно поминки превратились в обычную вечеринку. Только Сашкина мать, едва примолкнув, вновь начинала плакать. Остальным делалось от этих слез неловко, они отодвигались от нее подальше, пили и шептались по углам, перемигивались и смеялись. Водки было вдосталь. Стол ломился. Бутерброды с икрой, фаршированные икрой яйца, блины с икрой – без этих блюд поминки считаются недостойными. А тут еще и ломти осетрины, и лосось, правда, пересоленный и слегка подсохший, заливная рыба и горячие креветки – Сашка предпочитал рыбные блюда, и родители решили хотя бы так потешить сыночка. Когда очередное блюдо раскладывалось по тарелкам, мать всхлипывала и говорила: «А вот эту рыбку (салат, икорочку...) Сашенька очень любил». И она непременно откладывала кусочек на тарелку возле фото с черным уголком.

Потом под окном дерзко рявкнул клаксон, и поминальщики, высунувшись из окна, увидели белый «мерин», молочным пятном растекшийся внизу.

– Я с-с-с-час кину в него бутылкой! – завопил Сашкин отчим и стал продираться меж гостей от окна к столу.

Пустой бутылки, как ни странно, не нашлось, надо было сначала выпить содержимое, а пока допивали и закусывали, Лидка, на ходу запахивая плащ, босиком, неся в руках лаки-

рованные босоножки, уже сбежала по лестнице и нырнула в темное чрево машины.

Разумеется, обвинять других легко и приятно. В этом есть нечто самовозвышающее. Иное дело – задать вопрос: а сама? Вот именно – сама! Ясно теперь, что утром в воскресенье Сашка пришел ко мне уже с петлей на шее, надеясь, что мне каким-то образом удастся ее сдернуть. Каждый его взгляд умолял: «Ева, спаси!» Но я не сумела. Не смогла. Не сообщила! Вот идиотка!

Наверное, я все-таки заснула, потому что рассвет наступил очень скоро. Я лежала и смотрела на светлый прямоугольник окна, пытаясь вспомнить, должна ли сегодня являться в «Око милосердия», или мое дежурство только завтра. Выходило, что дежурство сегодня. Почему – то «Око» не бывает милосердным к своим служащим.

И вдруг Сашкин долгий, с перерывами, звонок в дверь. Я рванулась открывать – будто не было ни похорон, ни поминок, ни грубо замазанного лилового неузнаваемого лица и обрамлении гробовых рюшек. Я мчалась на звонок, бездумно веря, что Сашка вернулся. Но на пороге никого не было. Пустое крыльцо, залитое утренним солнцем. На нижней ступеньке лежала толстая коричневая папка. Я подняла ее и раскрыла. Внутри – лист твердой мелованной бумаги. В правом верхнем углу – золотой тисненый крест, а под ним короткая надпись от руки: «Вам назначается испытательный срок». И внизу черной антиквой, как приговор: «ЛИГА МАРТИНА-

РИЕВ».

Собакина вручила мне три листка сегодняшних командировок. И еще какую – то записку, на которой стоял жирный красный вопрос.

– Что это значит? – я возвратила листок с вопросом Собакиной.

– Это значит, – отвечала она тоном учительницы с сорокалетним стажем, – что Андрей Орас сегодня велел позвонить и выяснить, когда он сможет открыть благотворительный счет.

– Ясно, – хмыкнула я, хотя пока еще ничего не понимала. Если хочет открыть счет, пусть открывает, я – то тут причем? Не мне же эти деньги предназначены!

– Если скажет, что счет открыт, поблагодари, – наставляла Собакина. – А если нет...

У нее была потасканная раздутая физиономия и дешевый нечесаный парик на макушке. Загорелые жирные плечи и не менее жирные груди выпирали из слишком узкого и слишком открытого летнего платья. За глаза все «милосердцы» называли Собакину «Бандершей». В молодости она была профсоюзной активисткой и любовницей многих ныне влиятельных лиц города, они не дали ей умереть с голоду в трудные времена, пристроили на теплое местечко. «Око» регулярно подкармливалось из городской казны. Но

главным источником питания служили привлеченные всеми правдами и неправдами спонсоры. Раз в неделю все работники «Ока», вооружившись огромными кистями и волоча ведра с клеем и свертки плакатов, расходились по городу, расклеивая на специальных стендах красочные бумажные простыни. На всех рекламных плакатах «Ока» помещалась физиономия Собакиной, расплзшаяся, как ком масла, в улыбке, с пышными кудрями вместо обычного парика. Поговаривали, что ее новая загородная вилла построена на пожертвования для слепых старушек и глухонемых собачек, или что – то в этом роде.

Мне всегда очень хотелось поругаться с Собакиной, причем по-крупному, с воплями, оскорблениями и бросанием предметов. Но Бандерша ловко ускользала от ссоры. У нее был к этому талант. Я вообще не слышала, чтобы она с кем-нибудь ругалась. Напротив, она умела для каждого подыскать нужное словцо и очень тонко польстить. Возможно, поэтому в перезрелые годы у нее нашлось немало покровителей. Вот с кого стоит брать пример в моей непутевой жизни. Учиться надо! А то с моим вздорным характером придется коротать последние дни в богадельне. Впрочем, до этих дней мне еще далеко. Оставалось надеяться, что за оставшиеся пятьдесят лет я успею себя перевоспитать.

Я придвинула к себе городской телефон и набрала номер Ораса.

– Андрей Данатович, с вами говорят из «Ока милосер-

дия», – на самом деле у Ораса было какое-то совершенно безумное отчество, которое на русском языке выговорить невозможно, поэтому в городе все именовали его именно так. – Как поживают ваши булочки? Можете прислать десятка два, непременно с взбитыми сливками?

Бандерша округлила глаза и сделала очень выразительный жест.

– Счет, – прошептала она. – Напомни про счет.

Я успокаивающе подняла руку.

– Булочки – это только аванс, – добавила я. – Ах, пришлете? Госпожа Собакина безмерно благодарит. Вы не забыли про счет? Да, да, на лечение.

Орас помолчал секунду-другую.

– Сначала должны произойти некоторые события, – сказал он, понижая голос, в самую трубку, – я слышала, как он перевел дыхание.

– Если полагаете, что я должна с вами переспать, то вы ошибаетесь. «Око» подобных услуг пока не оказывает.

Собакина хихикнула. Все – таки она отличная баба. И в чем – то мы с нею схожи. Только мне еще не подарили загородную виллу. Парочка коробок шоколадных конфет – это все, на что расщедрились немногочисленные поклонники.

Орас расхохотался.

– Нет, Ева, на подобное я не рассчитываю. Ожидаются события иного сорта. Вы все скоро поймете.

– О Господи, опять одни загадки. Я их терпеть не могу. То

подсовывают какие-то дурацкие папки под дверь, то среди ночи звонят по телефону.

– Вы получили послание Лиги? – спешно спросил Орас.

– Да, – призналась я, хотя в глубине души понимала, что никому об этом говорить не должна.

– Вам следует держать это в тайне, – Орас заволновался, обычно почти незаметный прибалтийский акцент сделался отчетливее.

– И вы тоже? – мне захотелось, чтобы он был членом этой таинственной Лиги, куда меня настойчиво звали.

– Молчите! – прервал он меня почти грубо. – Члены Лиги пользуются моей безусловной поддержкой. Сегодня же счет будет открыт.

– Вы, кажется, не поняли. Этот счет не для меня, а для нашего клиента.

– Я все понял, дорогая Ева. Разумеется, счет не для вас.

Очень мило. Он меня порадовал до глубины души. А мне когда-нибудь будут делать подарки или нет? Я была уверена, что набор дорогой французской косметики был бы очень кстати.

6

– Я назначил свидание, а ты не пришла!

– Вад, я же сказала: «нет»!

– Но я ждал, я надеялся! – Вадим ковылял за мной уже второй квартал, семена вразвалку на своих уродливых коротких ножках и размахивая такими же короткими ручками, приделанными к крепкому, мужскому телу.

Ворот старенькой футболки лопнул на могучей, как ствол дерева, шее. А глаза под набрякшими веками смотрели пособачьи преданно. Вообще внешне он чем-то похож на печального Бассет-хаунда. Но в отличие от нелепого пса, этот человек не вызывал у меня умиления.

– Вад, ты через две недели поедешь в клинику. Орас обещал сегодня открыть благотворительный счет. Как только бумаги будут у тебя на руках, ты сможешь начать лечение. Это долго и мучительно, но ты станешь таким, как все... – Я невольно глянула на его руки. Чтобы сделать нормальными эти культяпки, их сломают несколько раз и снова срастят, после каждого перелома удлиняя на несколько сантиметров. Стоило это безумно дорого. Я даже не знала, что меня больше волнует – цифра на счете или мучительность предстоящей процедуры.

– К черту лечение! Ничего мне не надо! Только ты! Ты мне нужна! Ты! – выкрикнул Вад на всю улицу.

Я ускорила шаги. Наверное, это было жестоко. Пытаясь поспеть за мной, Вад, смешно подпрыгивая, бежал следом. Но я не в силах была остановиться, и сама побежала, думая лишь об одном – чтобы он отстал наконец.

– Ты придешь! Слышишь, ты придешь или я умру! – проорал он, останавливаясь на перекрестке. – Я повешусь! И моя смерть будет на твоих руках! Тоже!

Я оглянулась. Он стоял посреди улицы на островке, очерченным белым, и не двигался. Несмотря на то, что мне удалось убежать, я чувствовала себя затравленным зверем. Как было бы здорово, если бы Вад был красивым здоровым парнем – тогда бы без всяких угрызений совести я послала бы его ко всем чертям! Но проклятая жалость вязала меня по рукам и ногам, и я чувствовала, что не смогу противиться, хотя меня тошнило при одной мысли, что ЭТИМ можно заняться с Вадом. Самое противное, что Вад разнюхал все подробности моей личной жизни, и когда я в прошлый раз сказала, что у меня есть парень, он зло оборвал меня: «Всё врешь, у тебя никого нет». И у меня не хватило наглости это отрицать. А теперь он узнал про Сашку.

Я вновь бросилась бежать и остановилась лишь, когда отворила дверь на лестницу в угловом домике. Внутри царил тишина и прохлада, хотелось присесть на широкий подоконник лестничного окна и так сидеть, не двигаясь, закрыв глаза, чтобы не видеть обшарпанные стены, и мечтать о чем-нибудь невозможно хорошем. Жаль только, что нельзя про-

сидеть так всю жизнь.

– Не хочу к нему идти, – проговорила я вслух, чуть не плача и, запрокинув голову, глянула наверх, в полумрак завернувшейся спиралью лестницы, будто там, наверху, в пыльном полумраке, стоял некто и выслушивал мои оправдания. – Его жалко, но он ни капельки мне не нравится. Он мелочный, себялюбивый. И зачем он только ко мне привязался? – Я молитвенно сложила руки, будто находилась сейчас в храме, а не на грязной обшарпанной лестнице.

И тут на правой ладони заныл ожог. И я безвольно уронила руки – молиться было бесполезно. Меня заклеямили, как проданный скот, подлежащий отправке на бойню. Сашка предал меня еще раз, теперь уже окончательно. В эту минуту я поняла, что сопротивляться не имеет смысла. На свете нет человека, который мог бы меня спасти.

Мне сделалось так жаль себя, что я буквально завывала в голос. Я, конечно, не такая красавица, как Лидка, но и не уродина же в конце концов! Высокий рост, хорошая фигура, немного полноватая, но в меру. Многим такие как раз и нравятся. А волосы просто роскошные, пшеничные, густые, с золотистым отливом, и вьются надо лбом. Господи, да неужели я не достойна никого, лучше Вада?

Разумеется, я знала, что достойна настоящего принца. Но какой-то подленький мерзкий голосочек, изнывая от страха, доказывал мне, что я должна уступить, потому что Вад не вынесет отказа. Или я хочу быть виновной еще в одной смер-

ти? Нет, ну почему мужчины, когда их опекают, хотят, чтобы их непременно пожалели в постели, иначе все, что бы ты ни сделал, не в счет? Вместо ответа на поставленный вопрос явилась мысль совершенно безумная:

«Вад будет боготворить меня, если я соглашусь. И никогда не бросит, как Сашка. Не придет однажды вечером и не скажет: у меня теперь другая».

Бедный Сашка!

Ведь я-то знаю, как это больно, когда тебя не любят. Вада всю жизнь унижали. Так неужели я – как все? И мне тоже нужна только фигура супермена, а израненная душа ничего не значит?

Итак, этот чужой, жалостливый голосок победил. Понадобилось каких-то пятнадцать минут, чтобы переломить себя. А как была уверена, что ни в жизни не уступлю! Жаль.

Я медленно поднялась на второй этаж и нажала кнопку звонка.

– Не заперто, – отозвался надтреснутый старушечий голос.

– Ты пришла? – Вад изумленно смотрел на меня, не веря в свою удачу. – Сейчас я быстро. Выпить и поесть.

Я присела к столу, не снимая плаща и сжимая в руках сумочку, будто пришла на минутку сказать пару важных фраз и тут же уйти. Сжимая зубы, смотрела, как Вад ковыляет от буфета к столу. За стеклянными дверцами покосившейся мебели притаилась пузатая бутылка дорогого ликера. «Наверняка для меня сберегал», – мелькнула мысль. Но Вад вытащил грубую безэтикетную флягу, достал две старые стопки и попытался коротким пальцем выковырять коричневую засохлость со дна.

«Говорят, бывают шлюхи от одной только жалости к мужикам. Может, я из тех, дуреха безотказная?»

– Вад, налей мне чего-нибудь покрепче. Обожаю ликер.

Он сделал вид, что не понял намек и набулькал мне стопку до краев из своей чернявой фляги. Оказалось – мерзейший самогон. Меня замутило от одного глотка.

Со всей ясностью я замечала маленькие и жалкие уловки Вада, будто на него был направлен слепящий свет юпитеров. Но все это проходило мимо моего сознания. В голове постоянно вертелись обрывки вчерашнего: похороны, пустые фразы, выдавленные через силу слезы на щеках Лидки. И Сашкина фотография на серванте: ореол золотистых кудрей, как

вспышка, белозубость улыбки. Я все еще пребывала там, сегодняшний вечер казался продолжением вчерашнего.

Я отставила пустую стопку и поднялась. Передо мной была дверь из крошеной Вадовой комнатки прямо на лестницу. Можно открыть ее и исчезнуть в вечернем сумраке. Как было бы здорово, если бы я могла сделать эти три маленьких шажка! Но я повернулась к двери спиной и ненатурально улыбнулась Вадиму:

– Давай-ка посмотрим, какая у тебя спальня.

Он взял меня за руку и повел в соседнюю комнатку, отгороженную от первой фанерной перегородкой. Старый продавленный диван, засаленное одеяло. Наволочка на подушке грязно-коричневого цвета. И никаких признаков простыней. Зато с потолка свешивался ночник на бронзовых цепочках. Эта старинная вещица меня тронула. Я стала подозревать некую романтическую жилку в душе Вада. Вообще я обожаю людей романтического склада. Я бы никогда не могла полюбить такого человека как Орас – он слишком практичен.

Я отбросила плащ и сумочку в угол и начала торопливо стаскивать платье. Хотелось, чтобы все кончилось побыстрее...

.....
– Ты – холодная, – пробормотал Вад сквозь зевоту. – Лежала как бревно. Могла бы немного пошевелиться. Терпеть не могу фригидин.

– Другие были лучше? – от обиды у меня задрожал голос.

А мне-то представлялось, что «после» Вад будет рыдать от благодарности и восторга.

– Да, хотя бы Лидка. Она куда занятнее, – вновь сквозь зевоту прозвучал ответ. – Мы с ней на танцах повстречались. Со мной друзья были – все о-го-го, какие ребята – все метра по два! А она ушла со мной – очень ей попробовать захотелось, каким я окажусь в постели.

– Ну и как? – спросила я почти автоматически.

– Все отлично. Ей понравилось.

– Значит, ты меня не любишь?

– Откуда мне знать? Я еще не разобрался в своих чувствах. Мы так мало встречались.

Я вскочила и стала поспешно одеваться. Желтый блеск ночника высвечивал лицо Вада с закрытыми глазами. Какая же он мразь! «Нет, нет, – тут же прежний голосок, проповедующий жалость и сочувствие, одернул меня, – не надо обижаться. Ведь я тоже его не люблю. Так какое имею право требовать?» – «Но я все-таки старалась быть доброй», – попытка оправдаться вышла не слишком убедительной. Оказывается, я могла не приходить – ровным счетом ничего бы не случилось! Дура! Стопроцентная дура! Навоображала себе всякие страсти. Он умирает от любви! Как же! Сашку не спасла, а этого удумала.

– Я ухожу, – сказала громко.

Вад очнулся от дремы и сел на постели.

– Куда? – он бессмысленно улыбнулся.

– Домой. У меня еще много дел. Извини.

Дел, разумеется, никаких не было, но я бы не осталась в этой комнате сейчас и под дулом пистолета.

– Спасибо тебе.

– За что? – невольно улыбка поползла по губам.

– ...что не просишь меня жениться, – достиг моих ушей ответ.

Сначала я не поняла. Показалось – ослышалась. Мне сделалось больно и смешно одновременно. Как мне хотелось выкрикнуть во все горло: «Неужели ты думаешь, урод, что я мечтаю стать твоей женой?!» Но сдержалась. Милый Вад, тебе так хочется стать немножко выше, ткнув меня лицом в грязь. Ну что ж, давай, делай так. Пусть это немного утешит тебя. Но я больше этого терпеть не буду.

Как ошпаренная, выскочила на улицу. Почему-то думалось, что страдает у человека душа, а оказалось, что болит не сердце, а несколько пониже. Впрочем, зачем его обвинять? Сама же стремилась к этому – так сильно хотелось боль утраты заглушить болью унижения. Ну что ж, получила по полной программе. Как было бы хорошо, если бы сейчас меня сбила машина. Машина бы примчалась со стороны Звездной площади, боднула бы меня в бок, и поехала дальше, давя в кашу кости уже мертвого тела. Я была себе отвратительна до тошноты: только взгляните на эти мерзкие руки, на это лицо и грудь! Всё будто покрыто засохшей спермой. Мне хотелось

содрать с себя кожу и выбросить старой тряпкой в помойный бак. Под душ, скорее! Я умру, если через пятнадцать минут не стану под душ!

Смеситель, как всегда, барахлил, горячая вода сменилась холодной. Потом вновь пошел кипяток. Но я стискивала зубы и терпела. Завтра схожу в церковь, помолюсь за себя грешную и за душу преступную Сашкину. А вечером в кино, на что-нибудь сентиментальное, где можно вволю поплакать, про животных или детей. А сейчас – прочь из дома! Надо пойти куда-нибудь посидеть подле людей, чтобы вокруг были только приятные лица, чтобы все смеялись. Но никто не приставал. К примеру, в кафе Ораса. Это близко, и там обычно приличная публика. Пашка меня постоянно ругает за то, что я туда хожу и трачу без толку деньги. Те же самые лакомства гораздо дешевле можно купить в магазине при кафе. Но когда сидишь за столиком у Ораса, начинаешь чувствовать себя человеком. А это чего-то да стоит! К тому же там подают булочки с взбитыми сливками, мои любимые. И лучшие ликеры. Если наклюкаться до бессознательного состояния, может, станет легче?

«Господи, вразуми меня, – пробормотала я, оглядывая вечернее небо, на котором приветливо и одновременно равнодушно помаргивали звезды. – Кто я? Что делаю не так? Почему вся жизнь моя идет наперекосяк? Почему мне всегда больно? Почему?»

8

Кафе Ораса. Дом Ораса. Возможно, Звездную площадь тоже когда-нибудь назовут его именем.

Орас умел сделать своим все, едва прикоснувшись. Оставлял отпечаток, будто ставил клеймо. К примеру, его дом, старинный особняк, доведенный многочисленными перестройками до истинного безобразия. Казалось, с этим уродством может совладать только бульдозер. Но Орас переделал не так уж много: карниз и балкон по фасаду. Убрал крыльцо, пристроенное уже в нашу эпоху каким-то нуворишем – того амбала на этом же крыльце и пристрелили – и заменил импортные рамы на первом этаже в кафе, восстановив прежнее – с цельными зеркальными стеклами и темно-коричневыми рамами. И дом сразу же превратился во дворец, причем вовсе не конфетный, а по-настоящему изысканный, с оттенком истинного благородства. Орас не любил аляповатых расцветок, шторы и обивка в его ресторанах всегда приглушенно-зеленого или спело-лилового оттенка. Орас никогда не потакал вкусам публики, делая только то, что ему хочется, и при этом умудрялся нравиться, если не всем, то очень многим и многим. Самое занятное, что эти многие со временем стали одеваться тоже в коричнево-зеленое или лиловое, независимо от моды сезона. Особенно это заметно весной, когда с наступлением тепла столики выносят на террасу: под

зелено-коричневым тентом сидят люди в платьях и костюмах всевозможных оттенков зеленого и лилового, и свечи отражаются в матовой поверхности зеленых, под малахит, столиков.

Но что-то в этом сочетании цветов меня настораживало. Коричневый цвет – это цвет неуверенности, до тех пор, пока не приобретет тотального размаха. Хотя не думаю, что Андрея Ораса можно заподозрить в подобных пристрастиях. Скорее всего, эти два оттенка выбраны именно в том сочетании, в каком они встречаются в природе: коричневая кора деревьев, изумрудная зелень. Естественное благородство. В конечном счете, хочется хоть о ком-то на свете думать хорошо. Вот я, к примеру, обожаю красное. Красный цвет тоже не виноват, что был когда-то знаменем палачей. Мне всегда хотелось поговорить на эту тему с Орасом. Но не решалась. Я не из тех дам, которые запросто болтают с самим хозяином. Хотя это и не так уж сложно – Ораса каждый вечер можно увидеть в его кафе. Со всеми он одинаково любезен. Сколько раз, наблюдая за ним, я пыталась уличить его в подострастии при разговоре с сильными мира сего. Не получалось. По телефону я могу болтать с ним как будто на равных – ведь я говорю с ним от имени «Ока». А в кафе я всего лишь обычный клиент. Прихожу. Ем булочки. Ухожу.

Сегодня народу было больше обычного, свободные столики остались только возле чугунной ограды, где слишком жарко и сыро для одетых по-вечернему дам. Но сойдет для ме-

ня. Сейчас мне не хотелось привлекать ничьего внимания. Всё, что мне нужно – это немножко себя порадовать. Я набрала целую тарелку пирожных и булочек, и уселась за столик. Звездная площадь, освещенная вычурными, под старину, фонарями, слегка покачивалась в наплывающем с реки тумане. Если смотреть из кафе Ораса на площадь, она кажется самой прекрасной площадью в мире: лучами уходят в бесконечность улицы, а меж ними, соперничая друг с другом блеском восстановленной лепки и позолоты, теснятся старинные особняки. Старинный собор в центре площади похож на корабль. И золотые купола, как наполненные ветром паруса, зовут за собою вдаль и ввысь. Собор красивый, почти неземной, зовя за собой, он не может обмануть. Но почему-то, несмотря на всю мерзость житейскую, хочется остаться. Что-то пока меня удерживало. Не знаю – что...

«Завтра пойду в церковь», – напомнила себе, будто извинялась перед собором.

– Сколько закуски! Да тут человек на десять. И так мало выпивки, – насмешливый голос над ухом заставил меня вздрогнуть.

Парень в светлом костюме без спросу уселся за мой столик и выставил высокогорлую пузатую бутылку с янтарной, игриво вспыхивающей в блеске свечей жидкостью.

«Артист», – подумала я, ибо лицо парня казалось по-экранному знакомым.

Черные, коротко остриженные надо лбом волосы, голубые

глаза, прищуренные в постоянной усмешке, мягкий, слишком подвижный рот – рот клоуна из дешевой пантомимы – вся его внешность напоминала маску, исполненную грубовато и гротескно, хотя и не исключалось, что маска – лишь обводка подлинного контура, то есть обман вдвойне. Такие люди в первый момент производят отталкивающее впечатление. Впрочем, на незнакомых я стараюсь смотреть беспристрастно и думать о них хорошо. Неприязнь окружающих часто подталкивает людей к дурным поступкам.

– Что тебе это напоминает? – парень самодовольно потрянул янтарный «фугас».

– Дешевый шампунь.

– Ошибаешься. Это безумно дорогой ликер, лучший, который есть у Ораса, – он наполнил бокалы. – Надо выпить. У меня сегодня удача. Поминки, можно сказать, но удача.

– Сегодня все с поминок. Такой день. Только я не поняла, кого вы потеряли.

– Разбил свой новенький «Мерс», – произнес он с апломбом. – «Мерин» был мне дорог. В прямом и переносном смысле тоже. Знаешь, когда смотришь на изуродованный капот, разбитые стекла... В изуродованных останках совершенной машины есть что-то человеческое.

Ликер у незнакомца был удивительный. Обожгло небо, и сразу все пропало: беда и боль, Вад, тянущий ко мне руки, и Сашкино самоубийство. Сейчас в мире существовало только кафе Ораса на Звездной площади, блеск огней и радость

людей, вливающих в свои сердца янтарный ликер. Сам Орас подошел нас обслужить. Ораса в нашем городе знали едва ли не все. Не потому, что он разбогател слишком быстро – подобным в наше время никого не удивишь. А потому, что он был независим всегда и во всем. Он действовал не так, как все, и потому одолеть его никто не мог.

Поначалу его успех пытались объяснить привычным – деньги наркомафии, покровительство наверху, и прочие темные делишки. Полиция и «налоговка» сбились с ног, проверяя его счета, но не нашли ничего. Его никто не поддерживал, а он шел наверх, напролом. Орас начал свою карьеру в нашем городе, имея высшее гуманитарное образование и не слишком покладистый характер – ни то, ни другое нельзя считать плюсом в его профессии. Восемь лет назад он купил свое первое кафе. Сегодня он владел почти всеми крупными ресторанами в городе, хотя «Кафе Ораса» именовалось только это, первоприобретенное, на Звездной. Последним напору этого широкоскулого коренастого человека с внешностью и манерами атлета среднего веса сопротивлялся единственный ресторан «Мечта». Кроме ресторанов, ему принадлежали часть акций мясокомбината, несколько крупных ферм за городом, молокозавод, а так же сеть магазинов «Летний полдень». Когда горожане в шутку называли Ораса «нашим кормильцем», они были недалеки от истины. Правда, кое-кто именовал его попросту «мясником» или «поваром». В том числе и репортеры. Но после презентации очередного кафе

с роскошным фуршетом они возвращали Орасу титул «первого гражданина города» и «кормильца». Разумеется, он не мог равняться богатством с банкирами или хозяевами «Мастерленда». Зато без преувеличения могу сказать, что он был самым известным. О нем постоянно говорили. Чего стоила одна история о том, как в кафе явился очередной нувориш вместе со своим любимым ротвейлером и усадил собаку за стол. Первым из кафе с визгом вылетел пес, а за ним следом хозяин. Через неделю неизвестные перебили в окнах кафе все стекла, а машину Ораса обстреляли. А еще через неделю нувориш-собаколюб оказался разорен дотла и пустился в бег, хоронясь от многочисленных заимодавцев, и даже забыл прихватить с собой пса. А пес поселился в дом Ораса. Наверняка эта история на самом деле выглядела более грубо и менее комично, и собака в ней появилась с легкой руки какого-то юмориста, но Орас был человеком-мифом, и проверить, где кончается правда и начинается выдумка, было просто невозможно. О нем хотелось не только рассказывать, но и слушать самые невероятные истории. Местная газетенка «Солянка», захлебывалась слюной, с восторгом пересказывала досужие сплетни. Наверное, это тоже дар – постоянно оказываться в центре внимания и при этом не выглядеть вульгарным. От Ораса все время ждали сюрпризов. Ко дню города он подарил старикам в богадельне какой-то немислимый торт, а в своем кафе устроил обед по сумасшедшим ценам, и мест не хватило. Из всего, даже из благотворительных

подачек, он умудрялся извлекать выгоду. Его жена красавица Катерина держалась на публике как принцесса. Но при этом по городу то и дело ходили сплетни о любовных похождениях Ораса. Наша желтая пресса со смаком обсасывала подробности. Собакина мне по секрету сообщила – а она всегда в курсе городских сплетен – что тираж нашей местной «Солянки» хорошо расходуется в двух случаях – если на обложке есть цветное фото популярной певицы или Ораса.

Популярность – вещь не просто загадочная, а мистическая.

– Что подельываешь, Кентис? – как к старому приятелю, обратился Орас к моему соседу за столиком.

– Разбил своего «Мерина» в хлам, – ответил тот с почти ребячливой гордостью.

Орас понимающе улыбнулся.

– Тебя уже похвалили?

– Пока нет.

Уж не знаю, чем Кентис больше гордился – тем, что у него был «Мерс», или тем, что он его расквасил.

– Учти, Ева – сводная сестра Нартова, – Орас наклонился и неожиданно ловким, почти неуловим в своей галантности жестом поднес мою руку к губам.

Я едва сдержалась, чтобы не вырвать кисть из его пальцев – кто бы мог подумать, что Орас когда-нибудь будет целовать мне руку.

– Ну и отлично! Разве я что-нибудь имею против Нарто-

ва? – пожал плечами Кентис.

Орас, будто по рассеянности, продолжал сжимать мои пальцы. Удивительные у него были руки – тепло их согрело не только ладонь, но и всю меня, всё тело. На секунду я прикрыла глаза, ощущая, как вместе с теплом в меня вливаются умиротворение и покойная слабость. И тут почувствовала, что большой палец Ораса скользит по моей ладони, мягко прощупывая кожу. Вот он натолкнулся на круглый желвак и слегка нажал на него, будто желал удостовериться, что это не просто болячка, а нечто совсем другое. При этом он смотрел на меня, и наши глаза встретились. Его взгляд был очень выразительным. Если изложить словами то, что я увидела на дне его зрачков, то получилось бы следующее: Орас торжествовал, одержав очередную победу, но при этом и меня почему-то звал принять участие в этом торжестве. Мне хотелось сказать «нет». Но я не могла не только разомкнуть губ, но даже выдернуть ладонь из его пальцев.

– Старик... – долетел до меня будто издалека голос Ораса.

Я сразу поняла, о ком он говорит. Очнувшись, я увидела Старика, идущего меж столиками, высоко вскинув беловолосую голову.

Никогда прежде я не оказывалась в столь изысканной компании. Сначала Орас. Теперь господин мэр.

Пробираясь меж столиками, Старик скорее по привычке, чем от души, улыбался посетителям кафе и пожимал протянутые руки, упорно продвигаясь вперед, не оставалось со-

мнения – он двигается к нашему столику. Тут только до меня дошло, почему лицо Кентиса казалось мне знакомым: сколько раз его фото мелькало в местных теленовостях и на первых страницах склочной «Солянки» и солидных «Ведомостей». Порой и столичная пресса, оскудевшая новостями, сообщала подробности скандалов, устроенных беспутным сыном безупречного градоначальника. Ну, конечно же, это Иннокентий!

Старик вежливо поздоровался со мной и сел за наш столик.

– Папуля, хочешь с нами выпить?! – весело крикнул Кентис и, взяв из рук Ораса новую бутылку, налил Старика полный бокал.

– Ты же знаешь – я не пью, – голос Старика был сух и громок – слишком громок, разговор слышали за соседними столиками. Он всегда говорил не то, что от него ожидали. И вел себя тоже не так. Даже внешность его была обманчива. Щеточка седых солдатских усов и армейская выправка у этого сугубо невоенного человека многих сбивали с толку.

Орас уселся за наш столик четвертым и, как ни в чем ни бывало, пил янтарный ликер. Меня поразила изысканность его манер. Так пить и есть мог только аристократ, приученный с детства правильно держать вилку и ложку. А ведь многие называли его «плебеем».

– Прекрати свои фокусы, – продолжал Старик. – Я же еще в прошлый раз говорил: прекрати. Неужели ты думаешь, что

твои маленькие хитрости могут *их* провести?

– О чем ты? – Кентис рассмеялся в лицо Старика. – Подумаешь – разбил тачку. Что ж, ребенку нельзя и порезвиться? Запишешь в статью расходов на транспортные средства. Кстати, папа, познакомься, это Ева. Очень симпатичная девочка, немного, правда, растрепана, будто сейчас из постели.

И он хитровато мне подмигнул с таким видом, будто знал обо мне всё, и про сегодняшнее у Вада – тоже. От этой мысли меня затошнило. Старик мельком взглянул на меня и сдержанно кивнул.

– Переигрывает, – произнес Орас тихо, причем обращаясь именно ко мне и опять будто невзначай коснулся моей руки.

Я спешно отдернула ладонь. Он вел себя неприятно – слишком уж по-хозяйски. Услышав реплику Ораса, Кентис на секунду сбился, потом вновь расхохотался.

– Ты не понимаешь, что происходит и ведешь себя как ребенок. Спектакль не удался. Очнись! – в голосе Старика мне почудились подлинно трагические нотки.

– Неужели дело так серьезно? Папочка, мне страшно, – Кентис состроил шутовскую рожу.

Старик бросил испытующий взгляд на Ораса, будто ожидал от него значительной реплики. Но тот молчал и делал вид, что рассматривает остатки ликера на дне своего бокала. Я встала и пошла меж столиками, не попрощавшись ни со Стариком, ни с его сыном, ни с самим Орасом. Тот, однако, догнал меня у выхода.

– Они уже отметили тебя, – сказал он шепотом.

– Что?

– Они уже поставили свой знак, – он крепко сжал мой локоть. – Но у тебя есть шанс. Если ты будешь держаться меня, тебе никто не страшен.

Я с силой выдернула руку.

– Вам-то что до меня? – внезапно слезы хлынули у меня потоком из глаз.

На секунду он растерялся.

– Ева, что с тобой? Тебя бросил парень?

Я кивнула – что мне было еще сказать?

– Не надо убиваться по такому пустячному поводу! Даже если тебя бросили три раза подряд, об этом не стоит горевать больше, чем пятнадцать минут.

Мне даже показалось, что – невероятно! – он хотел обнять меня и привлечь к себе. Но я отшатнулась и бросилась бежать по пустынной улице. Я мчалась, не оборачиваясь, будто за мной по ночным улицам неслась стая койотов. Ворвавшись в дом, я, даже не потрудившись захлопнуть дверь, бросилась на кухню, схватила нож и разрежала кожу на ладони, надеясь обнаружить под нею какую-нибудь занятную микросхему, которая превратила меня из нормального человека в робота. Но под кожей ничего не было, абсолютно ничего. То есть красное мясо. Я в ярости ковыряла ножом руку, чувствуя, как у меня немеют колени, а к горлу подкатывает тошнота – еще мгновение, и я не выдержу, и грохнусь в обмо-

рок. Но никакой микросхемы так и не обнаружилось. Обмотав руку полотенцем, я поплелась в больницу – накладывать швы.

Едва Кентис свернул в переулок со Звездной, как возле него притормозила черная машина. Дверца распахнулась. Наружу высунулась тощая брюнетка с ярко покрашенным ртом. На шее у нее болтались стеклянные бусы и ожерелье из белых пластмассовых то ли игрушечных, то ли крысиных черепов.

– Мы тебя ждем, Кентис, садись! – она приглашающе махнула рукой внутрь салона.

Кентис пьяно поморщился, ругнулся банально и уселся на заднее сиденье. Кроме шофера и тощей брюнетки в машине сидела еще рыжая, явно крашенная, полная и флегматичная деваха. Она расположилась спереди, но постоянно косилась назад, будто ожидала от Кентиса очередной выходки.

– Что угодно, девочки? Желаем порезвиться? – в своей обычной манере принялся паясничать Кентис. – Учтите, я за любовь деньги не плачу.

– Что ж ты выживаешься, мерзавец? – оборвала его брюнетка. – Разве Великий Ординатор не объяснил, что ты должен делать?

– Дамочки, я не понял, что вам от меня надо. Разве мы не будем заниматься сексом? Не хотите обе разом – могу по очереди, я парень старательный.

– Заткнись, – цыкнула на него брюнетка. – И прекрати

разыгрывать из себя дурака.

– Я не дурак, я – подонок, – хмыкнул Кентис.

– Не имеет значения, – брюнетка вытащила из кармана серебряный цилиндр, похожий на тюбик губной помады, и, бесцеремонно завладев другой рукой Кентиса, прижала носик тюбика к его ладони. Кентис закусил губу, чтобы не закричать, пока жгучая волна боли растекалась по ладони.

– У тебя испытательный срок, – сказала брюнетка. – И будь умницей.

– Как вас звать, девочки? – спросил Кентис, переводя дыхание, когда боль спала.

– Карна и Желя. Нравятся имена? – усмехнулась брюнетка.

– Девочки, чем я вам не угодил? Я так старался.

– Ты решил обмануть Великого Ординатора, – прошипела брюнетка. – Взрывчатка в водосточной трубе! И это все, на что ты способен?!

Кентис захихикал:

– По-моему, очень оригинально. Репортеры и менты в трансе. Чего стоит заголовок в «Солянке»: «Изуродована новая урна!» и далее риторический вопрос «Кому это нужно?» Я, признаться, долго смеялся, – и он вновь захохотал, только в этот раз его смех больше походил на плач.

– Ты что, вообразил, что Великий Ординатор купится на дешевый спектакль? Хорошо, твое дело. Паясничай дальше. Платить будут другие.

– Эй, погоди! – закричал Кентис, и в голосе его мелькнула истинная тревога. – Вы не так поняли! Я согласен! И Старик согласен! Все согласны! Двумя руками! Как же может быть иначе!

– Может, я тебе и поверю, – сказала Карна, усмехаясь. – Но нужны доказательства.

– Будут! – Кентис прижал руки к груди. – Самые лучшие. Самые пресамые...

Машина притормозила на углу, и Кентиса бесцеремонно вытолкнули на мостовую. Он стоял на коленях и смотрел вслед удаляющимся габаритным огням машины. Хмель разом с него слетел.

– Вот стервы. Как они только узнали?

Кентис отвык ездить в автобусе. Когда этот уродливый монстр, скорее похожий на древнее ископаемое, чем на общественный транспорт, угрожающе скрипя и чихая, подъехал к остановке, Кентис отступил назад, будто испугался. Двери уже нехотя, с трудом поползли назад, сжимая пространство, и только тогда Кентис нырнул внутрь. Одно место возле изорванной в клочья гармошки оставалось свободным, и в этом был явный знак, указание свыше. Кентис в любой мелочи мог увидеть знамение – так ему становилось легче действовать и даже дышать. Он спешно забился в этот уголок, засунул матерчатую сумку подальше под сиденье, прижался лбом к холодному стеклу и замер, съежившись и опять же ожидая нового знака – он должен быть непременно, этот знак. Если знака не будет, Кентис заберет сумку и выйдет. Он так решил. Хорошо, когда что-нибудь решишь, не надо думать ни о последствиях, ни об угрозах...

– Ишь уселся, и морду отвернул! – раздался над ухом скрипучий старушечий голос. – А я тут с сумками стой подле него. Ноги не держат!

Кентис повернул голову и принялся разглядывать нависшую над ним грузную старуху в линялом ситцевом платье и в выгоревшей до рыжины панаме. Панамка эта сидела на самой макушке и была ее обладательнице необыкновенно ма-

ла.

«У внучки сперла панамку», – подумал Кентис и улыбнулся.

– Чего лыбишься! – заскрипела старуха. – Никакого уважения к старости!

– Все они, молодые, такие, – поддакнула из-за плеча товарки тощая особа в черном платке и черном платье до пят неопределенного возраста. – Наглые и все воры.

– Воры, воры, – закивала бабка в панамке.

«Вот он, знак», – мысленно улыбнулся Кентис и встал.

– Прошу вас, мадам, – он поклонился с галантностью истинного рыцаря.

Матерчатая сумка осталась под сиденьем.

– Издевается, умник сраный, – фыркнула бабка, плюхаясь на освободившееся место. – Еще посмейся, так я тебе так двину, что из автобуса вылетишь.

Он шагнул к выходу.

– Я удаляюсь, мадам. Сам. Добровольно. Дабы не смущать вас своим присутствием.

Только теперь он понял, что это был вовсе никакой не знак, а глупая ловушка. Его непременно запомнят. Эта, в черном платке, и еще одна женщина лет сорока, внимательно наблюдавшая за происходящим. Если, конечно, они уцелеют. Но ведь могут и не уцелеть. Могут...

Двери еще не успели открыться, а Кентис уже спешно шагнул в образовавшуюся щель. Он побежал. Потом опом-

нился, перешел на шаг, но не выдержал и опять побежал. Сердце, расколовшись на тысячи частиц, билось теперь в каждой клеточке его тела. Там, в автобусе, ему было весело и легко. Потому что там еще все можно было остановить. Он прыгнул с подножки, и все сделалось *необратимо*. Кентис то начинал дрожать, то смеялся, то выкрикивал что-то вслух, и тут же до крови кусал губы. В голове у него вертелся настоящий торнадо.

– Они будут довольны. В этот раз они останутся довольны, – бормотал он вслух.

Но эти слова не утешали а, напротив, наводили ужас. Краткое «они» внезапно приобрело двойной зловещий смысл. «Они» – это Карна и Желя. «Они» – это те, кто остался в автобусе возле матерчатой сумки.

Он мчался дальше, не разбирая дороги, ныряя в ближайшие переулки, проходные дворы, и останавливался лишь для того, чтобы отдышаться. И опять бежал. Мысль о том, что можно сесть в другой автобус, вызывала у него тошноту.

Он остановился внезапно, будто натолкнулся на стену.

Алиби! Необходимо алиби! А что является самым удобным алиби? Новое преступление! Он захихикал, находя мысль и удачной, и забавной. И огляделся. Сам не ведая как, он очутился на окраине. И прямо из-за серой в потеках стены блочной девятиэтажки выглядывал старенький домик с крошечным садиком.

«Улица Софьи Ковалевской», – прочел он на самодельной

деревянной табличке, прибитой к крылечку.

Не было никакого сомнения – перед ним был дом Евы Нартовой – ее адрес он узнал еще сегодня утром.

Это был знак – тут не оставалось никакого сомнения.

В детстве мне казалось, что служить высшему – самое прекрасное занятие на свете. Эти детские предрассудки, наверное, живы во мне до сих пор. Иначе, скажите на милость, за каким чертом я пошла работать в это мерзостное «Око», чтобы каждый день общаться с плачущими старушками, умственно отсталыми пьянчугами или с такими существами как Вад. Иногда мне казалось, чтобы моя никчемная жизнь обретала высший смысл, а иногда – чтобы становилась еще более мерзкой.

– А у тебя очень мило, – сказал Кентис, просовывая голову в раскрытое окно гостиной.

И, не дожидаясь приглашения, перепрыгнул через подоконник и оказался в комнате. Как ни странно, его приход меня обрадовал. Мне даже показалось, что всё утро я ожидала именно его появления.

– Ева, да ты просто красавица, – заявил Кентис, оглядывая меня внимательно. Если не сказать, нахально. – Всегда считал, что мартинариями становятся одни дурнушки. Неужели можно с такой грудью вступить в Лигу?

В ответ на грубоватый комплимент я по-дурацки хихикнула.

– Ты живешь на улице Софи Ковалевской, и это символично, – объявил Кентис.

– Чем же?

– А ты не помнишь то громкое дело пять лет назад? Два сантехника поспорили, кто был математиком – Софья Ковалевская или Софья Перовская, и один другого убил. Так вот после того дела была создана петиция, чтобы улицу Софьи Ковалевской переименовать в улицу Лобачевского.

– Ты это сейчас выдумал.

– Это чистейшая правда. Спроси у Старика. Или погугли.

– Кажется, ты меня преследуешь?

– Ну что ты! Просто мы вчера не договорили, – улыбнулся Кентис. – Ты удалилась так внезапно.

– Мне не понравилась твоя глупая демонстрация со Стариком, – я постаралась сделать выговор как можно более кокетливым тоном.

– А, Старик! Почему-то все считают, что я его не люблю. Но люди ошибаются. Глубоко ошибаются. Я его обожаю! Наверное, никто на свете так не любит отца, как я.

– Ты над ним издеваешься.

– Нет, ни в коем случае. Я ему изо всех сил помогаю, просто из кожи вон лезу. Неужели ты этого не замечаешь?

Оранжевая занавеска с желтым узором, подхваченная порывом ветра, вскинулась вверх. Показалось, что язык пламени ворвался в комнату. От неожиданности я вздрогнула, и Кентис заметил мой испуг.

– Почему никто не подумал, как я при этом страдаю, – вздохнул Кентис. – Я причиняю ему боль и страдаю вдвой-

не. Это невыносимо – мучить того, кого любишь. Не хочешь попробовать? Могу дать урок.

– О чем ты?

– Сейчас поймешь!

Штора вновь плеснула вверх, и отсвет красного пробежал по упавшим на пол газетным листам. Один сквозняком швырнуло к ногам Кентиса. Тот молниеносно нагнулся и щелкнул зажигалкой. Прозрачный в солнечном луче, язычок огня нехотя облизал край страницы и, сглотнув черную обугленную корочку, разросся на весь лист. Сизая струйка дыма растеклась по комнате. Алое пламя, уже настоящее, побежало вверх по шторе.

Я сорвала с дивана плед, решив бороться с огнем. Но Кентис обнял меня, прижимая мои руки к телу.

– Ты что, с ума сошел?! Пусти! – я сделала бесполезную попытку вырваться.

– Горит пока слабовато, – отвечал Кентис. – Подождем, сейчас огонь начнет резвиться, – он еще сильнее стиснул руки, так что я и вздохнуть не могла. – Прекрасно! Обожаю смотреть на огонь. Это меня возбуждает! А тебя?

И он жадно захватил губами мой рот. Я захныкала, как ребенок, которого обижают старшие – от жалости к себе и от чувства бессилия. Огонь, весело перепрыгивая, добрался наконец до трюмо, набросился на мои флаконы и флакончики, и вдруг фыркнул весело, поперхнувшись какой-то смесью в бутылочке. Волна нестерпимого жара ударила в лицо.

И тут же я почувствовала, что отрываюсь от пола и лечу. Секунду мне представлялось, что мое «я» покинуло брентную оболочку и устремилось к заоблачным высотам, в объятия Высшего. Но после того как я ткнулась лицом в землю на клумбе, набрав полный рот песку, до меня дошло, что мое неуклюжее тело всё еще прикреплено к не менее неуклюжей душе.

– Посмотри, какое чудесное живое пламя! – услышала я голос Кентиса над собою.

Я перевернулась и села, бессмысленно глядя на окно гостиной, где всюду полыхал огонь. Жасмин возле дома начал жухнуть на глазах, белые лепестки цветов рыжели и сворачивались. Тут на свое крыльцо выскочил Пашка, несколько секунд он, раскрыв рот, смотрел на пожар, потом, взвизгнув по-бабьи, бросился назад, в дом.

– Если он вызовет пожарных, его конуру спасут, – заметил Кентис. – Ну а твоя пропала – это точно.

Он смотрел на меня, прищурившись и жадно приоткрыв рот. Он ждал чего-то. Но чего? Может быть, вспышки отчаянья? Криков ужаса и боли? Его лицо и рубашка были перепачканы сажей, а на руке, ниже локтя, вспухал волдырь. Но своя боль как будто его не занимала.

Две красные машины, воя сиренами, выкатились к дому. Из них неторопливо стали выпрыгивать люди в черных куртках с желтыми полосами. Струя воды ударила в окно гостиной. Тут только дошло до меня: всё погибло. Абсолютно

всё: семейные фотографии и первая Сашкина записка, подложенная мне в портфель в девятом классе, мамины волосы, заклеенные в конверт, и кофейный сервиз, доставшийся от бабушки, сборники стихов, собираемые десять лет, среди которых есть (то есть были) редчайшие, и новый телевизор, старинная кукла с почти настоящим, почти живым лицом, и новые тапочки с помпонами, школьные фотографии, где мы с Сашкой стоим (стояли) рядом, и дешевая перламутровая брошка...

Больше всего было жаль Сашкину записку. Пока она хранилась в ящике трюмо, у меня оставался кусочек прошлого, крошечный обрывок бумаги до сих пор берег теплоту его чувства. Мне показалось, что там, в доме, сгорело живое существо.

– Убийца! – завопила я и вцепилась Кентису в волосы.

Он перехватил мои руки и крепко сжал запястья. Губы его передернула улыбка.

– Успокойся, не надо так бурно. Иначе произойдет рассеивание энергии. Охладишься.

И он с размаху толкнул меня в лужу меж клумбами. А сам перепрыгнул через щеточку кустов и шутовски махнул рукой на прощание.

Через полчаса пламени нигде не осталось. Мне позволили войти в дом, и я бессмысленно оглядывала черные обугленные стены гостиной и обгорелые останки неказистой, но дорогой мне мебели. Незнакомая тетка в домашнем халате

забежала в дом прежде меня. Но пожарный, деловито сдвинув на затылок шлем, ухватил ее за локоть и препроводил назад к двери.

– Кто это? – спросила я в недоумении.

– Мародерша. Такие всегда являются первыми. С вами все в порядке? Может, вызвать «скорую»?

Я отшатнулась – мне показалось, что сейчас он, как Кентис, хищно оскалится.

– Нет? Тогда консультанта из «Ока милосердия» – у нас с ними контракт.

– О нет, только не из «Ока», – простонала я.

– А тот парень, что был с вами, где он? – пожарный попался на редкость дотошный.

– Ушел. – Я огляделась в надежде, что Кентис вернется.

Сейчас он принесет мне успокоительную таблетку и стакан воды, или что-нибудь в этом роде. Странно, но я не испытывала к нему ненависти. Была уверена, что зло он творил не из подлости, а из-за неведения и слепоты, и не было никого рядом, кто бы раскрыл ему его собственное сердце. Но озиралась я напрасно: Кентиса нигде не было видно. Зато весьма хорошо был замечен Пашка – он возвышался посреди тротуара над грудой беспорядочно набросанных вещей. Поразительно, как это он успел за недолгие минуты пожара вытащить столько скарба из своей конуры? От пожитков он и шага не смел ступить, опасаясь, что мародеры растащат вещи. Едва я подошла, как он тут же набросился на меня с

упреками:

– Я всегда знал, что твоя безалаберность приведет к чему-нибудь подобному!

– Ты бы лучше пожалел меня, чем злиться!

– Пожалел? – Павел скрипнул зубами. – Жалеть тебя за твою же глупость?! Достаточно того, что отец вечно с тобой нянчился. Только учти, я – это не он.

– К сожалению. Кстати, у тебя случайно нет булочек со сливками?

– Ты же знаешь – я их терпеть не могу!

– Да, да. Помню. Ты любишь селедку в винном соусе.

– Я ее ненавижу! – прошипел Пашка сквозь зубы.

Я пожала плечами и посмотрела на часы.

– Пойду-ка я в кафе Ораса. Оно уже открылось.

– А дом?! – изумился Пашка. – Окна в гостиной разбиты.

Всё в воде! Ты это так и оставишь?

– Так заделай окошки – ты же мужчина! – И я положила ему на ладонь ключи от моей двери – дверь стальная, она уцелела.

Заниматься домом я сейчас не могла: видеть весь этот разор, посреди уютного гнездышка, подбирать останки, будто трупы, любимых вещей... Нет, нет, нет! Только не сейчас. Сейчас я немедленно отправлюсь в кафе на Звездную.

– Хоть этот проклятый «Танец» перестанет крутиться каждый вечер, – крикнул вдогонку Пашка. – Люди со вкусом такую дрянь не слушают!

Да, он умел цапнуть за живое. А в детстве мне казалось, что я очень его люблю. Конфеты сама не ела – для него прятала в заветную коробочку. А он, обругав «Танец смерти», Сашку оскорбил. Намеренно. Как он смел? В отличие от него, Сашка умел любить. Знаете, что было в той записке? Я помню ее наизусть.

«Дорогая Евочка, я тебя очень люблю. «Очень» возвожу каждодневно в n-ю степень», – вот так-то.

И вдруг я поняла простую вещь: он ушел от меня, потому что любил. В этот миг перед моими глазами на миг возникла мраморная лестница, уходящая вверх завитком спирали, как у раковины «наutilus». Я стояла двумя ногами в глубокой луже перед этой лестницей. И вдруг отважилась и шагнула на нижнюю ступеньку. И сразу мир переменялся. Чуть-чуть, но переменялся.

К счастью (я это выражение почему – то использую часто), сумочка с деньгами лежала в спальне и, хотя сумочка пострадала, кошелек (о, чудо!) уцелел. Так что я смогла откушать четыре булочки со сливками в кафе Ораса. Если несчастья будут случаться с такой регулярностью, через пару месяцев я так растолстею, что придется сменить гардероб. Я и так не могу пожаловаться на худобу, но пока меня называют просто пухленькой. К тому же мои сто семьдесят сантиметров меня выручают. Хотя гардероб и так придется менять – те вещи, что не сгорели, пропитались насквозь дымом.

Официант остановился возле моего столика, наклонился и прошептал с видом заговорщика:

– Орас ждет вас в кабинете. Бумаги готовы.

Часто мигая, я смотрела на парня в белой куртке, и не могла понять, о чем он бормочет. Что за бумаги? На кой они мне черт? Ах, да! Наконец я сообразила, что речь идет о деньгах для лечения Вада. Кажется, ему повезло. Может, попросить Ораса оплатить ремонт моего несчастного домика? Или мне как работнику «Ока» сделают скидку? Нет, наверняка мне ничего такого не положено.

Я поднялась наверх. На лестнице стоял мальчик лет трех, светловолосый и толстощекий, коренастый, как Андрей. Шелковая мальчикова рубашка была перепачкана красным

соком. И немудрено: в ладошке мальчуган держал огромную надкушенную сливу.

– Привет! – я протянула маленькому толстяку руку.

Несколько секунд он разглядывал меня, потом протянул сливу, коротко выкрикнул: «На!», и бросился бежать. Я пошла за ним и очутилась в гостиной, обставленной мебелью под старину. Огромная хрустальная люстра вполне могла подойти для какого-нибудь конференц – зала. На диване возлежала хозяйка. Есть женщины и женщины. И отличаются они как собаки разных пород. К примеру, госпожа Орас вполне могла сойти за «королевского пуделя», ну а я по экстерьеру – чистопородная дворняга солидных размеров, уверенная вполне, что моя бабушка не грешила с «водолазом». Раскрыв рот, разглядывала я розовую кофточку нежнейшего оттенка, шелковые белые брючки и золотую сетку на черных блестящих волосах госпожи Орас. Она заметила, как я вошла, но не подняла головы и продолжала разглядывать толстый каталог, на глянцевах страницах которого то и дело процарапывала ноготками отметки. Мальчик подбежал к ней и ткнулся головой мне в колени.

– Отвяжись, Олежек, – без тени благодушия пробормотала мать, не отрывая глаз от журнала, – ты весь грязный, меня испачкаешь.

Мальчик схватил из вазочки еще одну сливу и вновь куда – то умчался.

– Андрей Орас велел мне зайти... – Я оглядывалась по

сторонам: роскошь апартаментов казалась чрезмерной.

– Не та лестница, – отвечала хозяйка, по-прежнему не поднимая головы. – Его кабинет направо.

Мне показалось, что местоимение «его» она произнесла неприязненно, почти безразлично.

Олежек поджидал меня на лестнице и опять сунул мне в руку сливу. Я хотела обнять его, но он вырвался и убежал, счастливо бормоча.

Кабинет Ораса выгодно отличался от апартаментов его жены: просторен, светел, строго обставлен. И хотя солнечные лучи падали прямо на стол, массивная лампа с зеленым абажуром все равно была включена. О пристрастии Ораса к яркому освещению писали даже в газетах.

– Ну, наконец-то! – приветливо махнул мне рукой Орас, едва я вошла. – Ты что, не могла подняться сюда, пока не съела весь запас булочек?

– Только четыре, – пробормотала я смущенно.

– Никогда не поверю! Минимум восемь, – смеясь, он протянул мне бумагу с замысловатой виньеткой наверху и огромной, с блюдце, печатью внизу. В бумаге значилось, что деньги для лечения Вадима Суханова перечислены на счет частной клиники. Сумма впечатляла.

– Вадим будет на седьмом небе от счастья. Вы святой человек, Андрей Данатович.

– Святой? Какая чушь! Вот моя жена – та просто не может пройти мимо благотворительных объявлений. Я не успеваю

подписывать счета.

Я кивнула и попыталась скрыть недоверчивую улыбку.

– А это просто маленький подарок обиженному судьбой человеку от большого удачника, – весело продолжал Орас. – Я только что приобрел «Мечту». Ева, вообрази – «Мечта»!

Я не могла вообразить, потому что никогда там не бывала, знала только – самый крутой ресторан в нашем городе, исключительно для местной знати. Самое простенькое блюдо стоило не меньше пятидесяти баксов. И мест в зале было что-то около тридцати. Впрочем, Орас и сам понял, что я там не бывала, и принялся мне описывать:

– Все стены покрыты деревянными панелями с резьбой, люстры бронзовые, приборы ставят серебряные. Но не в приборах дело. Главное – атмосфера. Там непременно русский стол, – он принялся пересказывать меню. – Из закусок – ветчина, красная рыба. На первое подают селяночку, а к ней – крошечные розовые расстегайчики, потом непременно поросенок с хреном...

Орас говорил о еде вдохновенно, так другие говорят о живописи или о музыке. Но при этом, слушая его, я ни на минуту не усомнилась, что нарезанная тоньше бумаги розовая ветчина вполне соизмерима с бесценным живописным полотном.

– Но вот что мне не нравится, – продолжал Орас всё тем же доверительным тоном, будто я была не посторонним человеком, а его компаньоном, – в «Мечте» нет зарплатны, но

принято давать очень большие чаевые – не меньше пяти долларов.

– Ого! Я бы пошла туда работать, – усмехнулась я.

– Тебя не возьмут. Официанты в «Мечте» вышколены гораздо лучше, чем в моем кафе, а у шеф-повара есть бумага, что он работал прежде в Париже и Стокгольме. Разумеется, бумага липовая. Но повар он отменный.

– А разве можно без зарплаты? – удивилась я.

– Минимум по зарплате есть, но это же не деньги. Прежние хозяева во всем следовали старинным русским традициями, в том числе брали себе процент с чаевых. Но это не спасло их от разорения, и «Мечта» очутилась у меня в руках.

– Поздравляю! – воскликнула я, и радость моя была искренней. – А у меня сгорел дом. Тоже можете поздравить.

– Поздравляю, – Орас смутился. – То есть, конечно, сочувствую. А я-то думал – откуда это запах дыма. И такая здоровенная дыра на очень милой кофточке.

Надо же, я только сейчас заметила, как пострадал мой наряд в борьбе с огнем.

– Что же делать? А у вас не найдется, во что мне переодеться?

– Сейчас спрошу у жены.

– Нет, именно у вас, – упрямо повторила я. – Куртка или рубашка.

Кажется, его немного обескуражила моя беспардонность. Он даже на мгновение запнулся, что с ним случилось неча-

сто. Но мне ужасно захотелось иметь личную вещь Ораса. Что-то вроде сувенира. Желание было столь неодолимым, что казалось, оно идет не от меня.

– Есть ветровка, – уступил он. – Но она будет тебе великовата.

– Ничего, велико – не мало. Как-нибудь помещусь.

Он вышел в соседнюю комнату и через минуту вернулся с серебристой, почти новой курткой. Я тут же залезла в нее, затанула молнию до горла и закатала рукава.

– Ну вот, и мне кое-что перепало, не только Ваду, – засмеялась я, не сразу заметив двусмысленность своей фразы.

– Кстати. А что у тебя с этим Вадом? – спросил он невинным тоном.

– О чем это вы?

Не было сомнений – он задал вопрос намеренно. Неужели ревновал?

– Ничего, – ответила я противным фальшивым тоном, – в этом нашем кривом «Оке» мне подсунули его карточку. Вот и бегаю, хлопочу по служебным делам.

– Странно. Вад рассказывал иначе.

У меня задрожали губы. Я что – то бормотала, на ощупь отыскивала дверь и не могла найти. Дверь пропала. Мне хотелось быстрее исчезнуть, только бы Орас не смотрел на меня. Скрыться, спрятаться под одеяло, под подушку, засунуть голову в чулан, в клозет, только вон отсюда. Мысль, что коротышка Вад, сопя от самодовольства, рассказывает подроб-

ности нашего свидания, жгла раскаленной сковородкой.

– Где же дверь?! – закричала я, выходя из себя.

Орас поднялся и медленно подошел ко мне. При этом глаза его просто впились мне в лицо. Так смотрел Кентис во время пожара. Так когда – то на уроках в школе смотрел на меня Сашка. Вернее – почти так. В Сашкином взгляде была любовь, а здесь... Мне показалось, что взгляд Ораса пытается нащупать то место в моей душе, которое сильнее всего кровоточит. Я отвернулась и принялась рассматривать матовый плафон на потолке.

«Если он дотронется до меня, я его убью».

Но Орас остановился, не доходя двух шагов, распахнул незаметную меж облицовочных панелей дверь и, галантно поклонившись, сказал:

– Прошу.

Я бросилась в дверь как в колодец и сбила с ног Олежку, который дожидался меня у порога с очередной сливой в руках. Слива вылетела из маленькой ладошки и покатилась. Я же, с присущей мне ловкостью, въехала в нее каблуком. И, потеряв равновесие, растянулась. Тут же вскочила, подхватила Олежку на руки и, пробежав с ним весь коридор, поставила его у дверей гостиной.

– Слушай, парень, прекрати раздавать всем сливы. Если дело так дальше пойдет, тебе прямая дорога в «Око милосердия». А это не самая сладкая жизнь, говорю тебе честно.

К дому Вадима я бежала бегом. Мне хотелось поскорее отдать ему бумагу и сказать, что он скотина. Пусть уматывает в свою клинику и растит на дареные деньги нормальные руки и ноги, только длинноногого красавца я все равно буду ненавидеть! Надо же, явился к Орасу и рассказал...

Я внезапно затормозила и остановилась посреди улицы как вкопанная. В самом деле – какая чепуха! С каких это пор Вад ходит в гости к господину Орасу? Да пустят ли его на порог? Нет, розыгрыш не удался, господин Орас! Захотелось немного позабавиться за счет заведения? Ладно, мы стерпим, нам не привыкать. Работники «Ока» – люди не гордые, для них самое главное – благо человечества. Об этом, окунаясь с головой в дерьмо, не следует забывать. Бедняга Вад! Я чуть не устроила скандал, а он ни в чем не виноват! Ну что ж, тем лучше – зайду, поздравлю с удачей и попрощаюсь. Он может собираться в дорогу и выезжать хоть завтра...

– ...хоть завтра? – переспросил Вад, вертя в руках бумагу. – А эта штука дорого стоит?

– Очень дорого. Там же написано. Но деньги можно использовать только на лечение. Снять сам ты не можешь ни рубля.

– Только на лечение, – разочарованно протянул Вадим. – Такая сумасшедшая капуста – на всякую ерунду! Лучше бы

дали наличными.

– Наличными нельзя, – заявила я назидательным тоном, будто все еще беседовала с Олежкой. – Возможно, тебе придется лечиться несколько лет. И этот полис – твоя гарантия.

– Никуда не поеду! – решительно заявил Вад и сунул Орасову бумагу в ящик буфета. – Тратить лучшие годы на лежание в больнице? Другого дурака ищите! Я и так счастливее многих, рукастых и ногастых!

Я смотрела на него и глупо хлопала глазами. Мне казалось, что человек в его положении готов отдать полжизни за этот счет в клинике.

– И как же ты будешь?

– А как я раньше жил? Разве плохо? Нормально. И еще лучше буду. Давай лучше займемся более приятными вещами.

И он потянулся обнять своими короткими ручонками. Я отшатнулась.

– Ты что, не хочешь? А зачем ты тогда пришла? – раздраженно выкрикнул Вад. – Только затем, чтобы притащить дурацкую бумажку?

Господи, я ведь для него старалась. Он что, не понимает?

– За «дурацкую бумажку» мне пришлось долго кланяться Орасу, – выдавила я, почти оправдываясь.

– Где кланяться? В постели?

Ну вот – он уже держит меня за шлюху. Ему дала, значит, и любому другому могу дать. Ничего не скажешь, – логично.

– Мне лучше уйти, – я шагнула к двери.

– А я тебя не отпущу, – хихикнул Вад.

– Ты?! – я рассмеялась.

Нехороший получился смех. Презрительный. Конечно, я не должна была так смеяться. Вад дернулся как ужаленный.

– Ах вот как! Думаешь, я не смогу тебя удержать? Не смогу, потому что я такой, да? – выкрикнул он и в уголках его губ появились комочки густой белой пены.

– Извини, ничего такого...

Он вдруг вцепился, как бульдог, в ветровку и рванул ее изо всей силы. В кино насильник обычно так эффектно рвет кофточку на груди. Но тут вышло по-другому – толстая ткань выдержала, не лопнула, но от рывка меня швырнуло вперед и, чтобы устоять на ногах, я сделала замысловатый прыжок, а руки сами собой вцепились Ваду в волосы. Страх не было – ярость так и шипела во мне, и рвалась наружу. Я ухватила Вада двумя руками за волосы, оторвала от пола и отшвырнула от себя. Показалось, что швыряю паука – так смешно он махал своими ручонками и ножками, корчась в углу, под свалившейся сверху макушкой буфета.

В следующую секунду я вылетела на улицу и помчалась пулей.

– Дрянь! Дрянь! Дрянь! – выкрикивала я так громко, что прохожие оборачивались.

Но мне было наплевать.

Дом пропитался насквозь дымом и сыростью, нежилой мертвящий запах проник в вещи, и даже на кухне, воле электроплитки, меня бил озноб. Пашка наскоро залепил окна кладбищенскими решетками, и теперь ночной летний ветерок гулял по обугленной гостиной. Пашка требовал, чтобы я подала на Кентиса в суд.

На этот раз они связались со мной по телефону. Знакомый визгливый женский голос затараторил в трубку:

– Твое поведение недопустимо. Устав Лиги...

Надо же, они перешли со мной на ты: так хозяйева разговаривают со своими рабами.

– А в чем, собственно, дело?

– Ты жестоко избила Вадима Суханова.

– Он хотел меня изнасиловать!

– Ты не должна была сопротивляться. Ты – истинный мартиний. Тыходишь в Лигу. Призвание мартиния – максимальное страдание...

– Это я уже поняла.

– Ты должна вернуться.

– Слушай, трахайся с ним сама, если нравится. А меня уволь, – огрызнулась я.

– Ты не представляешь, какой вред себе и окружающим может причинить твое недопустимое поведение. Трансфор-

мация уже началась, и отказ от функционального развития...

– Иди в задницу! – я швырнула трубку.

Что, съели? Я показала ни в чем неповинному аппарату старательно сложенный кукиш. Разумеется, я не против того, чтобы услужить Лиге, когда неудачи падают мне на голову сами, как кирпичи. Но бить себя по башке булыжником – нет уж, увольте. Это что же получается: если я внезапно вытяну счастливый билет, господа «лигачи» потребуют, чтобы я от него отказалась? Разумеется, я глупа. Но не настолько же! Сегодня я неожиданно почувствовала себя счастливой. Мне понравилось быть сильной и уметь дать отпор. Я прекрасно понимала, что сейчас в своей крошечной камерке Вад бесится от обиды и злости. Но в происшедшем мне ничего не хотелось изменить. Выговор Лиги меня только раззадорил. Я – не маргинарий, и не хочу им быть, потому что... Не хочу и всё!

Я бросилась в постель, но сна не было. Ясно было, что драка не закончена, и мне еще наставят в ближайшем будущем синяков. Ну, ничего, я тоже попытаюсь пустить в ход зубы. Я вспомнила о проклятом желваке на ладони. Интересно, этот значок – что же, тавро Лиги? А потом может проявиться какая-нибудь буква? Может «м» – читай «маргинарий», а, может, и «ж» – огромная жопа. Но проверить было нельзя – глубокий порез поверх шва был заклеен пластырем, а ковырять снова живое мясо у меня пока не было желания.

Было уже за полночь, когда вновь зазвонил телефон. Я

сдернула трубку, и уже открыла рот, чтобы отлаять новоявленного опекуна, но услышала тихий, поначалу не узнаваемый мною голос:

– Ева, дорогая, как мне освободиться от этой проклятой роли? Я знаю, ты можешь помочь. Верю, что можешь.

Я хотела спросить, кто говорит, но почему-то не решилась.

– Освободиться?! Что может быть проще! – выкрикнула я радостно. – Просто скажите «нет», и вы свободны как птица. Если, конечно, это «нет» для вас важнее всего. А если есть вещи подороже, тогда вы несвободны навсегда. И тут вам никто не поможет – ни Ева, ни Адам.

Мне показалось, что слушавший меня на том конце провода усмехнулся, но не шутке, а моей недалекости, и мысль эта уколола меня пребольно. И я поняла, что моя крошечная победа над собой (а не над Вадом), еще ничего не значит, ибо шкура мартинария намертво приросла ко мне. А самоистязательность мыслей – моя суть, вечное клеймо мартинария.

В трубке уже по гиеньи хихикали гудки. И только тогда я вспомнила, кому принадлежал голос. Звонил Кентис.

В утренних новостях показывали все то же, что и в вечерних накануне – искореженный, разорванный на две части автобус, застывший возле кромки тротуара. На асфальте, навзничь, раскинув толстые руки и ноги, лежала старуха в луже крови, а вокруг нее раскатилась картошка, разлилось подсолнечное масло. Рыжая панамка, тоже в крови, висела на ветке дерева – отбросило ли ее туда взрывом, или кто-то, в растерянности, повесил ее на ветку, Кентис не знал.

Потом появилось лицо старухи в черном. Но она ничего не говорила, лишь бессвязно выла и махала рукой, пока двое вели ее к машине «скорой». Ее место в объективе занял мужчина лет сорока.

– Я его видел... я видел, – твердил свидетель. – Он выскочил из автобуса и побежал.

Какой-то человек в штатском оттеснил репортера и прикрыл камеру рукой.

– Тайна следствия, – заявил хозяин ладони и исчез из объектива вместе со свидетелем.

После этого показали, как на место трагедии прибыл мэр. Это была излюбленная манера Старика – сразу же, немедленно, прибыть туда, где горит, где взрыв, авария, трупы и возле этих трупов гневно пригрозить и сочувственно пообещать. Это он умел. Самое странное, что ему до сих пор ве-

рили.

– Негодяя мы найдем! – Старик так сурово глянул в камеру, что у Кентиса противный холодок пробежал меж лопатками.

Неужели Старик знал? Да какое там «неужели» – наверняка знал. Но тогда и причина тоже была ему известна. О боги, что же делать?!

Всю ночь Кентис не сомкнул глаз – метался по комнате, наливал водку, пил залпом, не закусывая и не хмелея. И ждал звонка. Но Старик так и не позвонил. Несколько раз Кентис пытался лечь. Но лишь закрывал глаза – видел старуху в луже крови, рассыпанную картошку и панамку на ветке. Он тут же вскакивал.

– Я как Раскольников, – бормотал он, хихикая, в который раз наполняя стакан. – Кокнул старушку – и все проблемы решены. Но ведь старуха лучше, чем молодая. Если уж выбирать, то старуху, так ведь? – спросил он у своего отражения в зеркале.

И отражение согласно кивнуло.

– Наверное, в России очень вредные старухи, если их так часто хочется кокнуть, – вздохнул Кентис.

Часа в два ночи он позвонил Еве. Зачем? Он и сам не знал. Может, надеялся, что она скажет что-то спасительное. Женщина должна уметь спасти, иначе ей грош цена. Но Ева бормотала чепуху, вообразив, что изрекает афоризмы. Ладно, плевать на нее и на ее глупости. Надо, чтобы Старик позво-

нил. Только и всего. Но он не позвонил. Ни ночью, ни утром. Это молчание было хуже самой суровой отповеди. Это означало одно – Старик принял решение.

Павел Нартов вставал рано и много работал. Он гордился своей целеустремленностью, несгибаемостью и той легкостью, с какой мог отказывать себе в маленьких удовольствиях. Удача его не баловала. Сверстники, ни мало не запыхавшись на подъеме, давно обогнали его, работая вполсилы, не обладая и четвертью его ума и энергии. Но Павел упорствовал, пробивая незыблемость стен, окружающих человека безродного. Его утверждение в команде Старика на столь высоком посту можно считать почти чудом. Нартов никогда не сомневался в себе, а неудачи вызывали в нем лишь злость, подхлестывая ударами плети.

В разговорах Павел любил сравнивать себя с Орасом, подразумевая, что сравнение должно всегда быть в его, Нартова, пользу. «А что думает о вас сам Андрей Орас?» – поинтересовался очередной дотошный журналюга. Увы, Орас Павла Нартова просто не замечал. При встречах Андрей Данатович бывал вежлив, но не более того, видя в Павле обычного чиновника среднего звена. Никого на свете Нартов так не ненавидел, как Ораса, хотя, казалось, им нечего было делить.

А жизнь ежечасно искушала. И главным соблазном была Лига, чьи тайны приоткрывал Нартову Старик. Мощь Лиги была неисчерпаема, возможности – безграничны, у Нартова кружилась голова, когда он пытался осознать, ЧТО скрывает

ется за завесой тайны. Сейчас Павел легко мог бы заменить Старика. И так больше половины работы лежала на его плечах. Старик – всего лишь привычная вывеска, и если она исчезнет, то Нартов, всё сделает гораздо правильнее, быстрее и изящнее. Он чувствовал, что перерос свое подчиненное состояние, как детскую одежку. Старик давно должен был рухнуть, освободив место для Павла, но мэр продолжал сидеть истуканом, и это не давало Нартову покоя.

«Глупо надеяться, что кто-то оценит твои способности, твою преданность, твою работоспособность», – утешал себя Нартов. И одновременно верил: должны оценить. Сегодня Нартов чувствовал – день судьбоносный. Сегодня для него начнется иная жизнь. И очень важно, какой шаг в эту жизнь сделает он, Нартов.

Павел пружинисто шагал по только что облитым водой улицам, вдыхал всей грудью утренний воздух, приправленный ароматами цветения и первыми струйками бензинового угара. Город еще не отогрелся с ночи, но Павел в рубашке с короткими рукавами и летних брюках не чувствовал холода. Он всегда одевался очень легко. Учась в университете, даже зимой ходил в одном костюме. Сокурсники смеялись. Впрочем, они смеялись всегда. И когда он рассуждал о Бердяеве и Кафке, и когда говорил, что станет после окончания университета директором компании или займет крупный пост в мэрии, иначе он свою жизнь не мыслит. Проще всего вертеть пальцем у виска. Что ж, удел ничтожеств – смеяться. Задача

сильных – достигать. Его девиз – сила и одиночество. Их – толпа и слюнявая слабость.

Теперь он – заместитель мэра, и шагает пешком по улицам лишь потому, что взял за правило – по утрам всегда ходить пешком до Звездной. Здесь его ожидала служебная машина, шофер услужливо распахивал дверь – и Нартов подъезжал к мэрии как король. Или почти как король.

Площадь перед резиденцией мэра была пустынна. На парковке одиноко чернел «Мерседес» Старика. Правильный овал площади только что покрыли новым асфальтом, и сейчас, залитая водой поливалок, площадь напоминала озеро, в неподвижной глади которого отражались дома, деревья и синее небо. Старинный, Екатерининских еще времен особняк, в котором помещалась мэрия, после реставрации выкрасили в холодный бледно-голубой цвет, а многочисленные лепные украшения на фасаде и скульптуры на крыше – в темно-серый. Старик полагал, что подобное сочетание придает зданию строгость, не замечая, что дом сделался похожим на призрак. Жители города с присущим им юмором окрестили мэрию «Летучим голландцем».

Перед массивными черными дверьми нахохлившейся птицей торчал охранник.

– Холод – наш первый друг, – сообщил Нартов и похлопал парня по плечу.

Уборщица мыла лестницу, и он пробежал по мокрым ступеням под рассерженное ворчанье старухи. Стол секретар-

ши еще пустовал. Забытый с вечера цветок – подарок Нартова – надломившись, свесился из стакана. Низкое еще солнце, весело подмигивая, пряталось в зелени высоченных вязов. На цыпочках Нартов подошел к двери в кабинет мэра и осторожно толкнул ее. Старик, водрузив на переносицу очки, деловито щелкал по клавишам компьютера. Но едва Нартов вошел, тут же погасил экран.

– Ты видел это? – Старик гневно швырнул Нартову утренний выпуск газеты с фотографией изуродованного автобуса, так, будто его заместитель был виновен во взрыве.

– Видел, и я... – Нартов предусмотрительно сделал паузу и брезгливо отстранил газету.

И мэр заметил его жест.

– Это Кентис, – сказал Старик и в ярости шлепнул газетой по столу. – Решил, что *этим* можно откупиться от Лиги! Идиот!

– Вы уверены? – вновь Павел замолчал на полуслове.

Старик снял очки и, морщась, принялся тереть переносицу.

– Не сомневаюсь ни минуты. И тот взрыв в водосточной трубе – тоже его рук дело. Мне абсолютно не нравится затея Кентиса.

Нартов решил, что ослышался. Собственный сын устраивает два теракта, а мэр устало морщится и бормочет: «Мне не нравится».

– Но ведь это убийство...

– Павел, ты ничего не понимаешь, – вздохнул Старик. – Кентис затеял опасную игру. И я... я просто боюсь за него.

Кентис тоже любил упоминать слово «игра». Случайно это совпадение или нет, Нартов не знал. Впрочем, его интересовала не суть, а форма. Ибо только форма дает возможность действовать, а суть эти действия оправдывает.

– Самое лучшее для него сейчас – уехать из города, – сказал Старик после паузы. – Павел, я хочу, чтобы ты этим занялся.

– Даже если он будет сопротивляться?

– Он будет сопротивляться, – Старик сделал ударение на слове «будет». – Но я надеюсь на тебя. Ты умеешь настоять на своем.

– Приятно, что вы замечаете мои достоинства...

Нартов отвернулся, чтобы Старик не увидел его улыбки.

– Следствие может выйти на его след? – спросил он преувеличенно деловито.

Старик отрицательно покачал головой. Впрочем, что еще ему оставалось? Следователи, может быть, и не выйдут. А вот кое-кто другой – очень даже может. И наверняка уже вышел...

Утром Кентис как ни в чем ни бывало сидел в кафе Ораса за тем же столиком, что и в вечер нашего знакомства, и посаживал коктейль через трубочку. Правда, сегодня Кентис выглядел несколько помятым. Распахнутая на груди рубашка была, мягко говоря, несвежей, а щеки темнели двухдневной щетиной. В этот час столы и столики, полы и лестницы, да и сама площадь отмыты до стерильной чистоты. Кентис же в своей неряшливости напоминал брошенный на пол окурок. Других посетителей еще не было. Два официанта в белоснежных форменных рубашках расставляли на подносы напитки и как будто не замечали Кентиса. Зато я заметила его сразу, едва вывернула из переулка на Звездную. Заметила и остановилась как вкопанная. Подойти к нему я не решалась, но и уйти вот так просто была не в силах. Мне казалось, что я полюбила его – то есть хотела полюбить. Меня всегда привлекали души, что мечутся между добром и злом. К тому же он явно проявлял ко мне склонность, и я живо представила, как больно ему будет услышать роковое «нет». Конечно, это глупо – пытаться излить свою нежность на всех желающих и нежелающих тоже. Я презираю себя и ненавижу, и пытаюсь защититься от своего несчастного нрава. Я огрызаюсь на каждое приветствие, бегу любой встречи, запираюсь дома и сижу одна-одинешенька. В компаниях и на вечеринках

говорю всем гадости, а о себе рассказываю ужасные вещи. Но разве можно так спастись? Разве можно защититься, если защитника нет? Если бы он был – пусть не рядом, пусть за тысячу миль, я бы всё равно была самой недоступной женщиной на свете. Если бы наша с Сашкой любовь удалась, я бы сделалась примерной хозяйкой, и прожила бы до старости домовито и счастливо. Но он ушел, и я сделалась совершенно беспомощной, будто с меня содрали кожу. Не хочу его, мертвого, ни в чем упрекать, но мою судьбу он определил на много и много дней вперед.

Кентис наконец заметил меня, поначалу он не то, чтобы смутился, но какая-то болезненная гримаса передернула его лицо. Но он тут же опомнился, самодовольно усмехнулся и кивнул мне, как кивают случайным подружкам. А я продолжала стоять и смотреть на него. Я ведь знала, что по сути своей Иннокентий человек хороший, просто не встретился ему никто, кто бы направил его на истинный путь и объяснил суть жизни. И пусть он не надеется – без борьбы я от него не отступлюсь. Сашка ушел, Вад опротивел. Но Кентиса я буду любить изо всех сил и уж точно переделаю. Мысленно я всё это говорила ему и наблюдала за его лицом, пытаюсь определить, понял ли он мои телепатические наставления. Но он пил коктейль и не замечал моих усилий.

Внезапно кто-то сзади взял меня за плечи и переставил в сторону как куклу. Я оглянулась и увидела Пашку в новеньком спортивном костюме, плотно облегающем его сухо-

парую фигуру. За Павлом следовали двое парней с длинными, как у обезьян, руками. Демонстрируя скульптурные мускулы, они носили майки без рукавов и мешковатые спортивные штаны. Никогда прежде я не видела подобных типов рядом с Нартовым. Павел рядом с этими двумя выглядел нелепо. Они, не обратив на меня никакого внимания, направились в кафе, напрямик к столику Кентиса, и я двинулась за ними следом.

– Мэр приказывает тебе покинуть город и не возвращаться вплоть до его особого распоряжения, – проговорил Нартов так громко, что его слышал не только Кентис, но и официанты, и я.

– Пашенька, а ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Как мне кажется – нет! – покачал головой Кентис. – Ты считаешь меня подонком и хочешь оградить от моих происков Старика. Ты молодец, Паша. Ты предан шефу. Это великое качество! Но к превеликому сожалению ты ничего не понимаешь! Вот Ева – она скоро поймет. А ты – нет.

– Заткнись! – рявкнул Нартов. – Ты сейчас же сядешь в машину и уедешь.

– Извини, Паша, но у меня нет машины. Я разбил ее, и сам не знаю – зачем. Быть может, ради тебя. Или ради вон той девочки, что спешит в школу, – Кентис сделал неопределенный жест в сторону площади, но никакой девочки, спешащей в школу, я там не увидела. – Впрочем, я не уверен. Не разобрал. Это бывает трудно понять. Почти невозможно...

– Машина найдется, – прервал его Павел.

Я подошла ближе и остановилась на границе фиолетовой тени от тента. Мне казалось, что Кентис и Нартов говорят на разных языках.

– Благодарю за предложение, Пашенька. В последнее время я совершенно ошалел от щедрот Лиги. И потому предлагаю не горячиться и не торопиться, просто сесть и выпить за Старика и Лигу. Эй, принесите что-нибудь покрепче! – обратился Кентис к двум белоснежным официантам, которые даже не потрудились обернуться.

– О чем мы будем говорить? – прошипел Нартов.

– К примеру, как ты планируешь занять место Старика...

Кентис не успел договорить – Пашка ударил его по лицу. Удар вышел несильный, Кентис лишь качнулся и вцепился в край стола.

– Во двор его! – приказал Павел, обращившись к своим подручным.

Те исполнили команду мгновенно: подхватили Кентиса с двух сторон и поволокли между столиками. Официанты демонстративно отвернулись. А я как дура кинулась следом. Охранник, скучавший у ворот, попытался было воспротивиться, но Павел шепнул ему несколько слов, и тот послушно отступил.

– Приказ Старика, – долетело до меня.

Старик велел избить собственного сына?! Просто невероятно! Но ведь Павел – он зам. Старика. И... Никого боль-

ше не опасаясь, «гориллы» протащили Кентиса в маленький дворик позади кафе, прикрыв за собой железные ворота. Почти сразу же послышался мокрый шлепок удара и глухой всхлип боли.

Новый удар. Еще один. И еще. Может, они только изображают, что бьют? Я бросилась к воротам. Двор был плотно заставлен штабелями пустых ящиков и коробок.

– Кентис!

На мой крик обернулся Нартов. Его лицо покраснело и покрылось потом. Он казался пьяным. В руке его мелькнула «розочка» от разбитой бутылки. Кентиса я не видела – видимо, он лежал где-то среди ящиков, у Пашкиных ног.

– Пошла вон! – взвизгнул братец.

Я попыталась обогнуть ящики. Пашкин помощник, толстомордый громила, загородил проход и схватил меня за руку.

– Девочка, ты ошиблась. Тебе не туда! – он развернул меня, заломив руку за спину, и с противным смешком толкнул в спину, но не сильно.

Я обернулась и влепила ему пощечину. В следующую секунду я летела, головой прошибая дорогу меж сложенных ящиков.

– Не смей, Тосс! – долетел до меня крик Нартова. – Это моя сестра.

– Она дерется, – мрачно огрызнулся Тосс.

Несколько секунд я лежала, не понимая, что произошло,

потом, мотая головой и отфыркиваясь, села. При этом рассыпался еще целый штабель ящиков. В освободившийся просвет я увидела Кентиса. Он лежал на земле, и лицо его было повернуто в мою сторону. Только вряд ли сейчас это можно было назвать лицом – сплошное кровавое месиво. И на фоне мясного – ослепительные, невозможно яркие голубые глаза. Они смотрели на меня, и в них не было боли. Только некое подобие улыбки, насмешки или... Я вскочила, схватила ближайший ящик и, одним прыжком оказавшись возле Нартова, изо всей силы огрела дорогого братца по голове. Дно пробилося. Пашкина голова застряла в пластике, как в рабском ярме. В то же мгновение у меня за спиной отворилась дверь в кафе, и на пороге появился Орас в совершенно непривычном виде – на нем был темный спортивный костюм, а в руках – бейсбольная бита. Плотный трикотаж подчеркивал ширину его плеч и коренастость фигуры.

– А ну пошли вон, – крикнул он Пашке, будто мелкому воришке. – Это частное владение.

Тосс был в двух шагах от меня, но слова Ораса, вернее, не столько слова, сколько тон, которым они были сказаны, заставили его остановиться. Тосс напоминал волкодава, изготовившегося к прыжку и внезапно услышавшего окрик хозяина. Меня так и подмывало рискнуть и надеть ему на голову пластмассовый ящик.

Тем временем Нартов делал бесполезные попытки освободиться от своего «ярма». Один из охранников Ораса,

появившийся почти одновременно с хозяином, подошел к Пашке и бесцеремонно содрал у него с шеи искореженное хозяйское имущество. От боли Пашка запричитал и, прижав ладонь к оцарапанной щеке и багровому уху, бросил на меня полный ненависти взгляд, будто именно я была виновата в его неудаче. Я сунула руку в карман ветровки, и тут поняла, что оставила свой «смарт» дома.

– Сбегай в зал, вызови «скорую», – приказал Орас и слегка толкнул меня битой меж лопаток. – Телефон за стойкой у бармена.

Не помню, как я прошла в зал и набрала номер. В голове у меня будто вертелись, как в калейдоскопе, осколки каких-то догадок, вертелись, но никак не могли сложиться в цельную картинку.

Когда я вернулась, ни Пашки, ни его подручных уже не было во дворе. Орас сидел на корточках возле Кентиса, и, как мне показалось в первую минуту, щупал ему пульс. Потом я поняла, что ошиблась. Он держал Кентиса за руку, и внимательно разглядывал кожу. На правой ладони Кентиса рдел красный след ожога правильной круглой формы. И как мне почудилось – в кружке этом в самом деле читалась какая-то буква. Заметив меня, Орас отпустил руку Кентиса и поднялся.

– Я ошибся, – сказал он, подходя ко мне и вытирая платком перепачканные в крови руки. – Думал – он погоняла. А выходит – простой мартинарий. Это все осложняет...

– Мартинарий? – переспросила я.

Бог мой, как же я сама не догадалась?! Теперь все встало на свои места – и поджог моего дома, и это избиение, которое, казалось, сам Кентис и спровоцировал. Боже мой, как я была в ту минуту счастлива!

– Андрей, дорогуша! – я чмокнула ошалевшего Ораса в щеку и бросилась к лежащему на земле Кентису.

В эту минуту во двор въехала машина «скорой». Выпрыгнувшие из нее ребята с носилками оттеснили меня в сторону и занялись пострадавшим.

– Я бы на твоём месте так не радовался, – заметил Орас, подойдя сзади. – Два мартинария – это явный перебор.

Но я не стала его слушать – оттолкнув человека в синем, я залезла в машину «скорой» вслед за носилками с Кентисом.

– Кентис, дорогой, я преклоняюсь, – я попыталась сползти на колени в проход, но мешали носилки. – Такие, как ты, искупают подлое и низкое в людях. Если бы кто-нибудь рассказал мне прежде, я бы не поверила... Я горжусь, я счастлива...

Лицо Кентиса было наскоро обмотано бинтами, но даже сквозь марлю проступала кровь.

– У тебя глупый брат, Ева, – расслышала я едва слышный шепот. – Такой же глупый, как ты. Он никогда не станет князем Лиги. Никогда. Выше примитивного погонялы ему не подняться...

Через несколько часов, когда Старик вошел в кабинет Нартова, Павел предупредительно поднялся навстречу шефу и непринужденно заговорил о подготовке проекта расширения «Мастерленда» – городу будет принадлежать двадцать процентов акций нового парка, что в будущем обещает принести немалые выгоды. Дело за малым – передать владельцам «Мастерленда» в качестве своей доли старинную, чудом уцелевшую усадьбу. Все равно она стоит с заколоченными окнами и дверьми, и медленно разрушается. А то, что на боковой стене бывшего барского дома прибита крошечная табличка «памятник XIX века» – никого не волнует.

– Уже через два года доходы в городскую казну от двадцати процентов акций «Мастерленда» составят двенадцать процентов бюджета, а если...

Старик слушал и не перебивал. И хотя в лице его как будто читалась решимость, в глазах же его, покрасневших и подернутых мутью, застыла неуверенность – и в эту минуту Нартов ощутил свое окончательное, необоримое превосходство.

– Ты его чуть не убил, – сказал Старик, но при этом взял протянутый Нартовым отчет и даже перелистнул пару страниц, не коснувшись их взглядом.

Наверняка Старик ожидал увидеть в лице зама растерян-

ность или хотя бы смущение, но ошибся. Павел твердо выдержал его взгляд и сказал уверенно:

– Я только исполнял ваш приказ.

– Мой приказ?! – Старик опешил. – Мой приказ?! – Он заорал. Но в его крике было больше растерянности, чем гнева. – Я велел тебе увезти Кентиса из города.

– Именно этим я и занимался. Только мне пришлось прибегнуть к жестким мерам.

Старик взъерился – лицо его перекошилось – Нартову казалось, что тот готов его ударить. И это его даже позабавило. Ибо он предвкушал мгновенную победу. О нет, не в рукопашной схватке, где ему было бы мало чести, а в поединке куда более опасном и увлекательном.

– Ты изуродовал ему лицо, – прохрипел Старик.

– Он сам меня об этом попросил.

– Что?..

– Когда мы вышли во двор кафе, Кентис сказал: «Изувечь меня, не жалея... я даже не буду сопротивляться, – и добавил. – Розочка от бутылки подойдет». Я все сделал, как он просил. И как просили вы.

Говоря это, Нартов смотрел мэру прямо в глаза. Эти слова буквально раздавили Старика. Он пошатнулся, и медленно осел в кресло. Вместо прежней прямой осанки крепкого, уверенного в своих силах человека, в его фигуре появилось нечто грибообразное. Его растерянность у кого угодно могла вызвать жалость, но Павел почувствовал лишь брезгливость.

Как легко оказалось справиться с титаном!

Несколько минут Старик сидел молча, лишь беспомощно раздирая ногтями белую манишку рубашки, а потом произнес растерянным, почти извинительным тоном:

– Павел, это моя ошибка, я не сказал вам, что он – мартинарий. Ведь вы этого не знали?

– Разумеется, – Павел изобразил изумление – это было так просто, и получилось так натурально.

– Бедный мальчик... – вздохнул Старик, и Павлу показалось, что этот возглас относится не к Кентису, а к нему, Нартову. – Так дальше продолжаться не может. Я сейчас же обеспечу вам доступ к материалам Лиги и, прежде всего, к списку мартинариев нашего ордinata. И еще... – он предостерегающе поднял руку, давая понять, что еще не закончил. – Вы исключите Кентиса из списка.

– Разве мартинария определяет список? – невинным тоном поинтересовался Павел.

– Разумеется, нет. Но это даст ему возможность уехать, не вступая в другой ординат. Он дольше не выдержит. Я вижу, что не выдержит. Он почти сломлен...

Тут в голову Старика пришла мысль совершенно фантастическая. Представилось ему на мгновение, что настоящий его сын – Павел Нартов, а Кентис – всего лишь отросток, болячка его собственного тела. И еще показалось, что Нартов догадывается об этой его нелепой тайне, ибо, чем еще можно объяснить их неразрывную связанность: почти открытую

неприязнь друг к другу и одновременно невозможность розного существования.

Старик покачал головой и очнулся от своих фантазий. Павел по-прежнему стоял перед ним, сухопарый, подтянутый, уверенный в себе.

– Я дал вам задание, чего вы ждете? – Старик попытался изобразить раздражение.

– У меня нет доступа к файлам Лиги, шеф, – впервые Нартов употребил фамильярное «шеф», закрепляя свою победу, и Старик не попытался его одернуть.

– Пароль, – он на секунду запнулся, понимая, что обратной дороги уже не будет. – Пароль «мечта».

– Это что – название ресторана? – засмеялся Павел.

– Нет, просто мечта, самая обыкновенная.

Я ожидала в полукруглом больничном холле – в палате находился врач, и мне велено было обождать. Поверх блекло-голубой краски какой-то художник, потрясенный своим возвращением с того света, в благодарность расписал больничные коридоры и холлы многочисленными фресками. Они, как кадры навсегда остановившегося кино, сменяли друг с друга, схожие и чем-то неуловимо разные – разводы темно-зеленого, коричневого, серого, с внезапным вкраплением голубого. Картины, обреченные на краткую, быстротечную жизнь, ибо к ним с потолка тянули хищные паучьи лапы глубокие трещины, и хрупкая штукатурка отслаивалась, там и здесь вспухая безобразными пузырями.

– Операция вряд ли вам поможет. Ну, разумеется, можете обратиться... нет, зачем же... – доносился из палаты Кентиса низкий женский голос.

Долетали лишь обрывки фраз, но мне показалось, что разговор идет не только неприятный, но и ненормальный. Я уже хотела войти, когда дверь отворилась, и из палаты вышла докторша в голубом халате, из-под которого виднелась длинная черная юбка и носки лакированных туфельек. Профиль женщины с орлиным носом и надменно изломленным ртом напоминал чеканку на медали. Придерживая дверь в палату, она бросила небрежно через плечо:

– Вы привыкнете к своему безобразию. Так привыкнете, что не сможете от него отказаться.

– Почти привык, – отозвался Кентис.

Я вдруг представила себя несчастной лягушенцией, которую эта дама с удовольствием режет на куски для пользы науки, и невольно отступила, прижимая к груди букет слащаво-розовых роз. Но врачиха прошла мимо меня, как мимо пустого места.

– Сильнейшая энергопатия. Я должна была почувствовать. Должна, – долетел до меня ожесточенный шепот.

Едва цоканье ее каблучков смолкло, как я бросилась в палату. Кентис сидел на постели и старательно изучал в зеркале свое отражение. Неделю я видела его в бинтах, сегодня их сняли, и открылись ярко-розовые шрамы, стягивающие некогда красивое лицо. Теперь оно сделалось столь безобразным, что показалось, будто Кентис надел плохо сшитую маску, чтобы позабавить окружающих очередной нелепой выходкой. Сейчас шутка ему надоеет, он сдернет маску и... Кентис вздохнул и отложил зеркало. Кажется, только теперь он заметил меня.

– А вот и цветочки! Почти похороны, – он наигранно-радостно потер ладони. – Я тебе нравлюсь, Ева?

Я взглянула ему в лицо и не отвела взгляд.

– Да!

При этом я нисколько не лгала. Можно полюбить и чудовище – надо только сделать над собой усилие.

– Какая жалость, – Кентис сокрушенно вздохнул. – А я-то надеялся, что ты смотришь на меня с отвращением. Представь, какую пользу Лига могла бы из этого извлечь! А ты...

– Прекрати! – я швырнула в Кентиса букет дурацких роз – больше этот букет ни на что не годился (сказать по секрету – я не умею выбирать цветы. Куплю букет, а потом непременно его выброшу – просто наказание какое-то!) – Неужели нельзя жить по-человечески, а не издеваться над собой и над другими? Не хочу так, не хочу, не хочу... – я замолчала – кричать, когда тебе никто не возражает – бессмысленно.

Кентис смотрел на меня, но я не могла понять, что было в его взгляде – нежность или насмешка. И прежде в нем угадывалась многослойность личин, теперь же понять что-нибудь стало совершенно невозможно.

– Кажется, прежде моя способность к самоуничтожению тебя восхищала?

Я закусила губу. Кентис ловко подловил меня – ничего не скажешь.

– Да, восхищала, но я так не могу! Ты хочешь затащить меня в свой круг и сделать напарником по самоистязанию.

– Взаимоистязанию, – поправил меня Кентис. – Впрочем, у любовников всегда так, или хоть чуточку так, – усмехнулся он, и розовый шрам на щеке его отвратительно сморщился. – Но я сдаюсь... В самом деле – почему бы в возвышенной жизни мартинариев не сделать небольшой перерыв? – Кентис понизил голос до шепота и заговорщицки подмигнул. –

Удерем отсюда, а? Хотя бы в отель «Золотой рог»? Просто отдохнем чуть-чуть, идет? – он взял меня за руки и притянул к себе. – Прекрасный номер. Ресторан, бассейн, верховые прогулки...

– Ни разу в жизни не сидела на лошади, – я попыталась разрушить идиллическую картинку.

– Хорошо, пусть будут прогулки пешие, – засмеялся Кентис. – Ты наверняка никогда не бывала в таких местах. Немного кайфовой жизни тебе не повредит.

Кентис поцеловал сначала одну мою руку, потом другую. Волосы у него на голове были сбриты, один из наложенных швов шел до самого темени. Вылитый уголовник после поножовщины! Сравнение казалось необыкновенно точным – ибо что-то преступное жило в его натуре – я это чувствовала.

– Кстати, непременно возьми с собой твои любимые булочки из кафе Ораса, – напомнил Кентис и рассмеялся. – Открою тебе один секрет: я их тоже обожаю, – в голосе его послышалось что-то детское, смущенно-капризное, а лицо при этом дергалось и кривлялось безумной маской.

– Когда же мы едем? – я осторожно погладила изуродованную щеку Кентиса.

– Завтра. Сейчас позвоню и закажу номер. Ты отправляйся утром и жди меня в отеле. В десять меня должен смотреть какой-то профессор, светило. Потом явится Старик и будет пускать сопли. После обеда я удеру и через час буду у тебя. Войду тихонько, на цыпочках, подкрадусь сзади неслышно

и поцелую. А потом я расстегну твою кофточку... – мне показалось, что он цитирует какой-то фильм, но хоть убей, не могла вспомнить, какой.

Весь день Кентис спал. Его не мучили кошмары. Ему не снилась залитое кровью лицо старухи, убитой взрывом. За ним гнались две девахи, брюнетка и рыжая, размахивая «розочками» от бутылок. Когда он проснулся, возле его кровати сидела чернокудрая Карна, и этот кошмар наяву был страшнее всех ночных грез.

– Как самочувствие? – спросила она, и сломала одну из роз стоявшего на тумбочке букета.

– Неплохо, – Кентис сдвинул пальцем вверх уголок рта, что должно было обозначать улыбку.

– Ты справился. Хотя это было не совсем то, что от тебя требовалось.

– Я должен был взорвать полгорода?

Карна громко расхохоталась.

– О нет, пока нет. Тут совсем другое.

Она вытащила из сумочки сложенный вчетверо листок и велела:

– Прочти.

Кентис боязливо отодвинулся на кровати, и уперся спиной в стену – дальше двигаться было некуда.

– Если я должен работать киллером, то извольте хотя бы платить.

– Прочти, – повторила она и слегка шлепнула его сложен-

ным листом по изуродованной щеке.

Кентис скрипнул зубами и взял бумагу.

– Ты слишком долго ломаешься, – процедила она сквозь зубы. – Другие бы восприняли подобную миссию с восторгом.

Он прочел бумагу. Повертел ее в руках. Потом вновь перечел.

– Я не сплю? – спросил он, возвращая бумагу Карне.

– Нет.

Она достала из сумочки зажигалку, подождала, пока пламя приживется на уголке, и бросила листок на тумбочку. Оранжевые язычки огня подпалили сломанную розу.

– Люблю подобные символы, – улыбнулась Карна. – Кто тебе подарил цветы? Ева?

Кентис, не в силах ответить, лишь кивнул.

– Она тебе нравится?

Кентис вновь кивнул.

Карна ничего больше не сказала и шагнула к двери.

– Теперь ты каждую минуту должен думать о том, что прочел в послании, – проговорила она, оборачиваясь. – И каждый твой поступок должен соотноситься с волей Великого Ординатора.

– Я могу сказать «нет»?

– Не можешь. Великому Ординатору не говорят этого слова.

– У меня не получится... ничего не получится... кля-

нусь... – Кентис почти плакал.

– Тебе помогут, – пообещала Карна и вышла.

Окна номера выходили в парк – внизу буйно клубилась упитанная летняя зелень. Ее густота казалась неестественной, будто с картинки. Парк чудом уцелел в многолетних катаклизмах, а вот княжескую усадьбу сожгли дотла, не осталось даже фундамента. На ее месте построили одноэтажный сарай, в котором сначала помещалась заготконтора, а потом ветлечебница. Здесь каждодневно усыпляли собак и кошек, а трупы – так гласила легенда – закапывали в парке, оттого и деревья разрослись, оттого и не гибли, пережив столетие. На месте заготконторы ныне располагалось шикарное здание ресторана.

Я обошла номер. Огромный холл, застланный пушистым ковром, завершался стеклянными раздвижными дверьми, за которыми находилась спальня. Я поставила пакет с булочками в холодильник и заказала вишневый сок. Вместо сока принесли мартини. Я выпила две рюмки и завалилась спать. Мне хотелось, чтобы меня разбудил Кентис, когда приедет. Сон приснился на редкость противный – будто я вновь учусь в школе. Только здание какое-то древнее, полуразвалившееся, похожее на длинный сарай. Посредине огромный стол, застеленный черной тряпкой, а вдоль стен – деревянные скамьи. Ученики сидят тихие, присмирившие, пятна лиц как расплывшиеся желтки. На столе – четыре белых жирных све-

чи в кованых шандалах, а за столом – три учителя в монашеских рясах. В пещерах капюшонов нет лиц, а кисти рук выглядывают из рукавов мертвенно-желтые, восковые, и чем-то слегка припудренные, как у настоящих покойников. Я сижу среди учеников и тереблю в руках лист плотной бумаги с золотым крестом – знаком Лиги мартинариев.

– Засыплюсь, точно засыплюсь, – бормочет сидящий рядом со мной.

Желток его лица сгущается, из расплывчатого пятна вылепляются нос, глаза, гримасничающий рот. Кентис! Я скорее подозреваю, что это он, нежели узнаю. Черты не слишком схожи.

– Ева, – зовет меня один из сидящих за столом.

Я поднимаюсь и медленно иду.

– Все мы – вольные и невольные бойцы Лиги, – говорит нараспев у меня за спиной женский голос. – Кто – кратковременные волонтеры, кто – пожизненные служаки. Ибо только Лига дает высшую цель жизни.

Все встают. С грохотом отодвигаются скамьи. Хриплые неверные голоса выводят гимн, сбиваясь и сглатывая слова:

«Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий – скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страданье —

Боль неизведанных ран!»¹

Я оборачиваюсь и смотрю на Кентиса. Он весь вытягивается, привстает на цыпочки и поет со всеми. «Мы же хотели убежать», – вспоминаю я.

– Вы приняты, – доносится голос экзаменатора.

– Нет, нет, я не готова, не хочу... Непосильно... – я бегу назад к Кентису, спешно дергаю его за рукав. – Уйдем скорее!

Но рукав пустой – в нем нет руки. Я ощупываю грязно-серый балахон. Под руками мнется пустая тряпка, голова пришита к вороту суровыми нитками. В эту минуту сидящий за столом справа откидывает капюшон, и я вижу лицо Вада. Вадим тычет в меня желтой неживой рукой и хохочет:

– Она хотела, чтобы я лежал в больнице. Она хотела закрыть мне дорогу в Лигу. Она хотела убежать! Смерть ей! – он грозит мне своею желтой мертвой рукой, и двое рядом, по-прежнему безлицых, повторяют его жест...

Я проснулась среди ночи. Нагло тикали часы. В не зашторенные окна светила луна, и парк внизу казался облитым серебром. Номер был пуст. Я обошла спальню и холл, зачем-то заглянула в ванную. Кентиса не было. Он не приехал. Я посмотрела на часы. Два ночи. Сердце вдруг противно разбухло и больно стукнуло о ребра. С Кентисом что-то случилось! Его сбила машина, или врачи обнаружили у него осложне-

¹ А. Блок

ние, или... Я набрала номер отделения в больнице. Заспанный голос дежурной сестры отозвался не сразу.

– Он выписался. Сегодня. Вернее, уже вчера утром, – крикнула она со злостью, едва я спросила о Кентисе. – Ищите вашего сумасшедшего, где хотите.

Я несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь выдавить сердце на место.

– Он чем-нибудь вас обидел? – спросила я.

– Ну что вы! Всего лишь очень галантно предложил переспать с ним тут же в палате. А я так же любезно ответила ему, что меня стошнит, если я его поцелую, – огрызнулась сестричка.

– Не обижайтесь, – попросила я. – Ему было очень нужно, чтобы вы его оскорбили.

– Что? Что нужно? О, Господи! Это какой-то дурдом! – она швырнула трубку.

Я достала из холодильника коробку с булочками, и принялась поглощать их одну за другой, запивая мартини, как соком. Мартинарий пьет мартини. Ха-ха! Было ясно, что Кентис не собирался приезжать сюда. И булочки велел взять лишь для моего утешения. Если бы мартинариям в довершении всего запретили есть сладкое, я бы сошла с ума. Так за булочками и мартини я просидела до самого утра. Когда бледная розовая полоска затеплилась за морем буйной зелени, я решила, что назад в город не вернусь. Можно рвануть к тетке – у нее пекарня в соседнем городишке, она меня при-

строит. Или взять и отправиться в столицу – учиться. В самом, деле, почему бы и нет? Я еще успею подать документы. Хотя бы на вечернее... Ведь могу я на кого-нибудь выучиться в конце концов? А то у меня два незаконченных высших – по одному курсу чего-то там не пойми чего. По крайней мере, два пути. Но только не назад. Это уж дудки! Лига как-нибудь обойдется без меня. Надеюсь, всемирное счастье не слишком из-за этого отдалится...

В шесть утра в номер постучали. Шустрый паренек в форме отеля – синяя курточка с золотым шитьем и котелок с козырьком – протянул мне конверт.

– Велено именно в этот час, – сообщил он и презрительно фыркнул при виде скудных чаевых.

Я разорвала конверт. Подписи не было. Но я не сомневалась, что записка от Кентиса.

«Моя далекая любимая, самые сильные мучения – это, когда издеваешься над дорогими тебе людьми. Попробуй, и сама в этом убедишься. Да здравствует Лига!»

Письмо почему-то не причинило боли. Почти. Я съела еще одну булочку, последнюю, после чего устремилась в туалет. Меня вырвало. Я расплакалась, стоя на коленях возле сиреневого импортного унитаза. Было жаль отличных булочек, испеченных по тайному рецепту Ораса. Ополоснув лицо холодной водой, я дотащилась до кровати и легла, накрывшись одеялом с головой. Номер был залит солнечными лучами. Но я не задернула штор. Если солнце хочет – пусть све-

тит. Мартинарии все равно продолжают жить в темноте...

Часть 2

Ангельский список

1

Я проснулась от невыносимой жары – кондиционер в этом шикарном люксе не работал, и солнце, заливавшее комнату через огромные окна, немилосердно раскалило воздух. Я не сразу заметила, что в комнате кто-то есть. Уловив боковым зрением темный силуэт, я переполнилась радостью, как вскрытая бутылка шампанского пузырьками, и с воплем «Кентис, наконец-то!» выскочила из кровати. Но я ошиблась. У двери стоял Орас.

– Что вам нужно? – я нырнула назад в кровать и натянула простынь до подбородка.

– Пришел за тобой, – сообщил он.

– В каком смысле? – после бутылки мартини голова моя соображала весьма худо.

– Чтобы помочь вернуться.

– Ах, вернуться?! А я не собираюсь возвращаться. Ясно? Еду учиться в столицу... или к тетке. Вот!

– Ты просто ребенок, Ева. Неужели надеешься, что Лига тебя отпустит?

– Лига? Ну при чем здесь Лига? Я отказываюсь от исполнения долга и сдаю вахту.

– Подойди к окну.

– Я не одета.

Орас пожал плечами и отвернулся. Пока я одевалась, он даже не сделал попытки подсмотреть за мной в зеркало. Меня это задело.

Сегодня вид из окна казался еще более великолепным: залитый солнцем парк, уходящий вдаль и сливающийся с полосой соснового леса. Кто бы мог сказать, что там, под корнями деревьев, находится многолетнее кладбище собак и кошек.

– Ну и что? Парк как парк! Красиво.

– Смотри на площадку у входа.

Я прижалась лицом к стеклу. Там, внизу, толпилось человек десять. Они ходили взад и вперед со скучающим видом, то и дело украдкой поглядывая наверх, будто чего-то ожидая.

– Это погонялы. Они пришли за тобой, – сказал Орас. – Бегство мартинария так же запретно, как и самоубийство. Князя кое-что разъяснили своим подопечным, и те явились наказать строптивицу. Ребята выжмут из тебя все, что можно выжать из мартинария, не убивая.

Я отошла от окна. Почему-то словам Ораса не особенно верилось. Слишком дико...

– Ты член Лиги?

– Нет. Я свободный охотник. Но в принципе, я тоже – князь.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Один из моих людей следил за тобой. Если хочешь, идем со мной. Только быстро. Или ты как настоящий мартинарий хочешь остаться? Думаю, даже твоя бедная фантазия подскажет тебе, что сделает десяток мужиков с одной красивой девчонкой?

– Нет! – завопила я и принялась сгребать вещи в дорожную сумку. – Я еду к тетке...

– «В глушь, в Саратов»... – продолжил Орас. – А я сказал: ты едешь назад в город.

Он схватил меня за руку и поволок из номера. В коридоре нас поджидали двое парней Ораса – здоровенные, оба выше хозяина на целую голову. Но видно было, что перед ним они сильно робеют. Одного из них я сразу узнала. Это был тот курносый здоровяк, что толкнул меня на улице и рассмеялся в лицо. Зачем он это сделал? По приказу Ораса? Если сказать честно, то я бы этому не удивилась.

– Тут ошивался погоняла, но теперь он мирно лежит на черной лестнице, – сообщил с пафосом курносый. – Стоит удвоить премиальные.

– Я и так их устроил, – в тон ему отозвался Орас и повернулся ко мне. – У тебя есть черные очки?

Я отрицательно мотнула головой.

– Толик, отдай ей свои очки и шляпу, – приказал Орас

курносому.

Дополнив таким образом свой гардероб, я глянула в зеркало, висевшее в коридорном простенке. Ну и видок! Будто с маскарада сбежала.

– Надеюсь, издали они не заметят твоей глупой улыбки, – усмехнулся Орас, и мы вошли в лифт.

Он был так силен, так уверен в себе, что невольно хотелось по-кошачьи к нему приласкаться. Он-то сумеет оберечь и защитить! Я невольно вцепилась в рукав его светлого летнего пиджака – надеюсь, он простил мне подобную наглость.

Едва двери лифта, приветливо звякнув, распахнулись на первом этаже, как я, вместо миловидной мордочки служащего отеля увидела... Вада. Наши взгляды встретились. Меня ошпарило ненавистью, как паром из кипящей кастрюли. Вад успел лишь раскрыть рот, собираясь кликнуть на помощь остальную компашку, но не успел. Толик сгреб его в охапку, пихнул в угол лифта и отправил кабину обратно наверх, на шестой этаж. Минуя главный холл, мы юркнули в боковой коридор, в конце которого горела зеленая лампочка с надписью «служебный выход».

– Посторонись! – рявкнул Толик идущим нам навстречу парням в синей форме отеля, и перед нами услужливо распахнулись двери.

Возможно, правда, радужные кредитки, мелькнувшие в руке Ораса, подействовали более эффектно, чем зверское выражение Толикова лица.

Едва мы вышли на улицу, как сильный порыв ветра сорвал с моей головы шляпу. Я бросилась ее поднимать и уронила очки. Разумеется, они разлетелись на две половинки.

– Что ты возишься! – прошипел над моим ухом Орас и буквально впихнул меня на заднее сиденье своего «Форда».

– Кажется, нас заметили, – буркнул Толик, садясь рядом с водителем.

Я оглянулась и сквозь заднее стекло увидела какого-то парня. Он яростно размахивал руками, призывая подмогу. В этот миг машина рванула с места.

– Гони на Круговое шоссе, – приказал Орас. – Там вырвемся.

– До Кругового еще пилить и пилить, – отозвался Толик вместо молчаливого водителя.

Словно в подтверждение его слов, на дорогу выскочило человек пять или шесть и заметались, будто норовили броситься под колеса. Но водитель успел вывернуть руль, и машина, утрамбовав колесами газон, оставила посланцев Лиги позади.

– Людям не нравится, когда подвижникам надоедает за них отдуваться, – усмехнулся Орас. – Они чувствуют себя обиженными.

– За нами погоня, – сказал Толик.

В самом деле, две машины рванулись за нами следом. Но «Жигуль» тут же отстал, а выдавший виды «BMW» с помятым боком продолжал следовать за нами черной тенью. Я

глянула на спидометр. Стрелка перепрыгнула отметку «сто двадцать» и продолжала ползти вправо. К счастью, шоссе было сухим и пустынным.

– Нас остановят ги-бэ-дэ-дэшники, – предрекла я.

– Это было бы нашей удачей.

Меня поразило слово «нашей». Орас отождествил себя со мною. А этого ему никак нельзя было делать. Ни в коем случае.

– ГБДД часом не служит Лиге? По-моему, они должны состоять там в качестве погонял поголовно, так же как контролеры и врачи.

– Ценю твой юмор, – скривил губы Орас.

Обшарпанная иномарка преследователей неожиданно прибавила скорости, вывернула сбоку и с наслаждением боднула новенький «Форд». Нас здорово потрянуло, я ткнулась головой в плечо Ораса, и он, быть может, невольно, прижал меня к себе.

– Быстрее! – крикнул Орас. – Неужели нельзя обогнать это корыто!

– У них двигло не хуже нашего, – огрызнулся вместо водителя Толик. – Я бы на вашем месте отдал им девчонку.

– Твой ресторан еще не открылся, – отрезал Орас.

«BMW» немного поубавил резвости и вновь помчался сзади, но нам по-прежнему не удавалось оторваться. Мне показалось даже, что за ветровым стеклом я разглядела потные, разгоряченные погоней лица. Они ухмылялись, пред-

вкушая... Внезапно «BMW» снова сделал рывок и ударил «Форд» сбоку. Машина взбрыкнулась, как норовистая лошадь, перевернулась, грохнулась на крышу и помчалась дальше, обсыпая шоссе искрами и осколками своих замечательных дымчатых стекол. «BMW» попытался затормозить, вильнул, но не сумел обогнуть изуродованный «Форд» и благополучно съехал в кювет. К счастью, все мы были пристегнуты, иначе нас пришлось бы соскребать с асфальта. А так все отделались лишь царапинами и синяками. Орас вылез там, где прежде помещалось заднее стекло и помог выбраться мне.

– Отдайте им девчонку, – прошипел Толик, стоя на четвереньках и сплевывая кровь с разбитой губы.

Отставший на время «Жигуль» преследователей, теперь с видом победителя подкатил к разбитому «Форду» вплотную. Первым на дорогу выскочил Тосс, за ним еще – трое. И среди них Вад. Поразительно, как быстро он сумел выбраться из лифта.

– Господин Орас, вышло небольшое недоразумение, – Тосс явно не хотел ссориться с кормильцем города. – Вы, разумеется, можете идти, куда хотите, и ваши люди – тоже. А мы тут немного поучим девчонку...

– Чтобы не забывала, кто она, и что должна делать, – ухмыльнулся из-за его спины Вад.

– Вы разбили мою машину, – напомнил Орас.

– Это мы уладим, – понимающе хмыкнул Тосс. – Машина

стоит подороже девчонки. Так ведь?

Я вцепилась в руку Ораса как клещ.

– Не оставляй меня ради бога, не оставляй, Андрей, миленький! – завопила я истерически.

Орас глянул на пассажиров «BMW», выбиравшихся из кювета и, будто через силу, кивнул.

– Берите ее, – сказал он с неожиданной злобой, схватил меня за ворот подаренной им самим куртки и поволок, как котенка, к машине Тосса.

Я завизжала и попыталась вырваться – но куда там! Я лишь беспомощно барахталась в ветровке, как в мешке, дрыгая всеми четырьмя конечностями. Тосс хотел перехватить меня, но Орас отстранил его руку, давая понять, что хочет сдать товар лично. Потому что там, в машине, сидел еще один пассажир – склонившись, он прикрывал лицо руками, будто сторонился яркого света. Но даже сквозь сплетенные пальцы я разглядела его глаза, необыкновенно синие и неподвижные. Я беспомощно протянула к нему руки, всё еще надеясь на чудо. Но Кентис сделал вид, что не заметил моего жеста. Он выбрался наружу, по-старчески согнувшись, и на губах его появилось что-то похожее на улыбку.

– Она ваша! – крикнул Орас обступившим машину посланцам Лиги и швырнул меня на заднее сиденье.

Тосс подскочил к машине и хотел лезть внутрь, но Орас развернулся и изо всей силы ударил его кулаком в висок. Тосс без звука свалился к ногам Андрея. Двое погонял рва-

нулись ему на помощь, но в то же мгновение в руках Ораса сверкнул вороненый металл пистолета. Когда он выстрелил, я зажмурилась и заткнула уши руками. Так что не могу сказать, попал ли он в кого-нибудь или они сами растянулись на асфальте после его приказа лечь лицом вниз, а выстрел был сделан лишь для устрашения. Думаю, что последнее. Когда приказывает Орас, желающих противиться не находится. К тому же в этой компании только Тосс, теперь распростертый недвижно на асфальте, был настоящим бойцом. Остальные умели жрать, но не умели драться. А Кентис продолжал стоять и улыбаться.

– Это ты сказал Тоссу, где можно найти Еву? – спросил Орас, поворачиваясь к нему.

– Нет, нет, клянусь! – Кентис энергично затряс головой.

– Лжешь! – Орас хотел ударить его и уже поднял руку, но передумал и махнул своим людям. – Все в машину!

В следующую секунду «Жигуль» оставил лихую компанию возле поверженного «Форда» и выехал на шоссе.

– Кентис тебя предал, – со злостью проговорил Орас. – Сначала выдал своим дружкам из Лиги, а потом явился посмотреть, как тебя будут истязать. Это самое худшее в человеке: маргинарий и погоняла в одном лице.

– А я перед ним преклоняюсь, – заявила я с вызовом, но при этом нелепо хихикая. – Для Кентиса нет предела... хи-хи... Он недостижим... он... хи-хи... мученик... хи-хи... – я ненавидела себя за этот дурацкий смех, но ничего не могла

поделать.

– Тот же наркотик...

Он не договорил. Сзади разлетелось стекло, и Ораса швырнуло вперед. Утопаяще взмахнув руками, Андрей стал медленно сползать меж сидений. На его светлом пиджаке вылупилось черное пятно и, багровея, начало расползаться вширь.

– Ораса убили! – завопила я.

– Не надо так визжать, Ева, – пробормотал Андрей, пытаюсь выбраться из-под сиденья. – По-моему, я еще жив.

Я увидела ее в просторном холле больницы, и вид у нее был не озабоченно – больничным, а небрежно-гостиничный. Ее шелковое платье, расшитое бисером, с претензией на недостижимое, раскинувшись, занимало полдивана, а брючки сопливым атласным блеском могли соперничать с юбками какой-нибудь любведарительной императрицы. Вот только голова Катерины Орас, наскоро и небрежно причесанная, со стянутыми на затылке в узел волосами, казалась необыкновенно маленькой и жалкой. Я постаралась остаться незамеченной и спешно передвинулась в угол, за волосатый ствол пальмы. Наверняка Катерине уже сообщили, что Андрей здесь, и она теперь поджидает супруга. Я ей позавидовала. Сильно-пресильно. Быть женой Ораса – это значит легко и весело, а главное – беззаботно шагать по жизни. Если бы я была на ее месте! Я представила себя в этом платье и шелковых брючках, и поняла, что выглядела бы идиоткой.

Орас вышел в холл и остановился, будто споткнулся обо что-то невидимое. Похоже, увидеть жену он здесь не ожидал. И – могла в этом поклясться – не очень хотел. Перепахканный в крови пиджак он держал в руках, а вместо рубашки на нем была больничная ситцевая блуза в мелкую синюю полосу, небрежно наброшенная на плечи. Под ней виднелись бинты только что наложенной повязки. Он выглядел неловко

и трогательно – в таком виде перед людьми чужими Андрей ни за что бы не решился предстать – я была в этом уверена. Выходило, что я ему не совсем чужая. Но Катерина испортила весь... Я так и не решилась закончить мысль словом «спектакль».

– Зачем ты здесь? – спросил он у жены, даже не пытаясь скрыть раздражения.

– Хотела тебя спросить о том же, – Катерина со злостью швырнула окурок на пол, но с места не сдвинулась.

– Видишь ли, в меня стреляли, – в доказательство Орас тряхнул в воздухе испорченным пиджаком.

Это известие, казалось, несколько не смутило Катерину. Она состроила презрительную гримасу, которая могла означать лишь одно: «Какое мне до всего этого дело?»

– А ты? – спросил Орас.

– Олежку сбила машина... – проговорила Катерина, едва ли не с торжеством в голосе.

...Красные сливы бильярдными шарами посыпались на мраморный пол. Падая, они разбивались и растекались кровавыми пятнами...

– Он в реанимации...

– Так серьезно?

Лицо Ораса сделалось почти глупым – не в силах уяснить ситуацию, он бормотал что – то про разбитую машину, про то, что нужно было позвонить ему на мобильный, попытался залезть в перепачканный пиджак, но раненая рука мешала,

он в ярости швырнул пиджак на пол.

– Кажется, безнадежен... – раздался, будто издалека голос Катерины.

– Что?! – взревел Андрей и бросился назад к стеклянным дверям, ведущим внутрь больницы.

А госпожа Орас закурила новую сигарету. Она казалась возбужденной и... довольной.

Несмотря на все старания судьбы и мой собственный отнюдь не маленький вклад во всё, что со мной случилось, мне никогда не достигнуть наивысшего пика страдания. Оплакивать гибель собственного ребенка – нет, это мне не грозит. Просто потому, что детей у меня нет. Вообще-то ребенок намечался в первый год после нашей с Сашкой свадьбой. Не то, чтобы мы его особенно хотели, но и не препятствовали зачатию. Он сам соизволил начать свою жизнь. И мы радовались его своеволию. Малыш рос день ото дня внутри меня и – как мне мечталось – уже шевелился.

По глупости мы с Сашкой поехали в отпуск в глушь, целыми днями бродили по лесу, лазали по скалам и ночевали в палатке. Когда открылось кровотечение, едва успели добраться до какой-то паршивой больнички. Кровь так хлестала, что пришлось под меня подкладывать целую простыню, и она пропиталась насквозь. Молоденький врач, услышав о сроке, страшно перепугался. Он сделал всё, что мог и умел. Но, извлекая по частям моего не рожденного мальчика, за чем-то поставил банку на столик перед моими глазами. Так и

запомнилась навсегда лягушачья кукольная лапка с неправдоподобно тоненькими пальчиками отдельно от тельца. Мне казалось тогда, в полубезумии, что сейчас врач соберет все части, сложит, проверит – и оживит. Потому что невозможно поверить, что чудо, которое зрело внутри меня, прекратилось. Что *его* больше нет. Есть только я, моя грудь, истекающая молозивом для не рожденного малыша, мой живот, всё еще сохраняющий округлость, мои кровоточащие внутренности, исторгшие беззащитное тельце. А *его* – нет. Не ведаю, была ли у не рожденного душа. Но если «да», то она навсегда прилепилась ко мне и сжилась с моею душою. И теперь до смерти я буду думать о нем, прикидывая, каким бы он стал, как выглядел бы, как говорил. На кого он был бы похож? На меня? Или на Сашку? И как бы капризничал по вечерам, не желая ложиться в кровать. Постоянно прикидываю, сколько ему было бы сейчас лет. Выходило, что он ровесник Олежке. Чуть ли не день в день. От этой мысли у меня всё перевернулось.

Орас вырвался из стеклянных дверей и, проскочив мимо Катерины, будто и не видел ее, бросился ко мне.

– Почему я не отдал им тебя, сука! – он схватил меня за горло и рванул с такой силой, что поднял в воздух.

Наверное, на несколько секунд я потеряла сознание, потому что очнулась уже на полу, и Ораса не было рядом. Надо мной, разглядывая меня, как какую-нибудь козьявку, стояла Катерина.

– Еще раз увижу с Андреем, изувечу, – процедила она сквозь зубы. – И не воображай, что ты его вытащишь!

«Откуда вытащу?» – хотела поинтересоваться я, да не успела: Катерина изо всей силы пнула меня носком туфельки в бок.

Я вскрикнула от боли. Ей это понравилось, и она ударила еще раз. Я закусила губу и решила всё перетерпеть. Пусть это маленькое избиение послужит слабым наказанием за то, что я нарушила долг мартинария и попыталась сбежать. При третьем замахе остренький каблучок Катериной туфельки подвернулся, и госпожа Орас, потеряв равновесие, шлепнулась рядом со мною, шитое бисером платье веером раскинулось по мраморному полу.

– Мне очень нравится Олежка, я вам сочувствую, – пролепетала я. – И если бы можно было что-то исправить...

Тут я почувствовала, что кто-то поднимает меня и тащит в сторону.

– Это я виновата! – крикнула я распростертой на полу Катерине.

– Молчи, дура! – прошипел за спиной Пашка и толкнул меня к дверям, ведущим на улицу.

– Куда ты меня тащишь? – пробормотала я, оглядываясь.

– В отделение полиции, – отозвался Нартов, ускоряя шаги.

Не поспевая, я бежала за ним, всхлипывая втягивала в себя прохладный вечерний воздух. Несколько в стороне у тротуара Павла ждала служебная машина с шофером.

– Мы там уже были! – выкрикнула я, опасаясь, что Пашка меня просто не слышит. – Я написала заявление. И господин Орас тоже...

– Именно заявление, – прошипел Пашка, запихивая меня на заднее сиденье. – Ты должна его забрать.

– С чего это вдруг? – я безуспешно пыталась выдернуть руку, зажатую, как клещами, Пашкиными пальцами. – Меня хотели убить. За нами гнались... машину всю расквакали. В Андрея стреляли.

– Речь сейчас идет не об Орасе. Он может болтать что угодно – о разбитом «Форде», о стрельбе – пожалуйста. А вот ты что там насочиняла? Тебя же никто пальцем не тронул!

– То есть как, – я растерянно заморгала.

В самом деле – Пашка был абсолютно прав. Мне не на что было жаловаться!

– Но мне угрожали, – я как будто оправдывалась. – Я так и написала: угрожали...

– Кто угрожал? – передразнил меня тонким жалобным голоском Пашка.

– Ну, эти... Тосс и Вад. Остальных я не знаю.

– Ах, Тосс и Вад! А почему тогда ты пишешь «Лига»?

– «Лига»? – переспросила я.

Разве я что-то писала про Лигу? Хоть убей, я не могла вспомнить.

– Ну да, ты заявила, что тебя преследовали по приказу Лиги. Ты хоть понимаешь, курица, что завтра эта белибер-

да будет в местной прессе, а послезавтра – в столичных желтушках на первых полосах?

Я схватилась за голову. Неужели я в самом деле написала про Лигу?

– Это Орас убедил меня написать заявление. Будто бы они...

– Оставь в покое Ораса. Он к Лиге не имеет никакого отношения. А ты сейчас же пойдешь и заберешь заявление.

– А вдруг они нападут на меня снова? Я боюсь. Тосс...

– Тосс в больнице. Сейчас он ни на кого не нападет. Если ты будешь вести себя благоразумно, он тебя пальцем не тронет – это я тебе гарантирую. Благоразумно – ты хоть знаешь такое слово? Надеюсь, что да. Но если завтра о Лиге благодаря тебе начнут болтать на каждом шагу, придется натравить на тебя два десятка твоих братьев-мартинариев.

– Послушай, Пашка, ты что, в Лиге? Неужели ты тоже мартинарий?

– Господи, Ева, я каждый раз поражаюсь, какая же ты дура! Я работаю у Старика и забочусь о безопасности города – неужели не ясно? Разумеется – мы, – он подчеркнул это «мы» довольно заметно, – знаем о действиях Лиги. Но контролируем. Поняла?

– Пашенька, дорогой, ты меня спасешь? Мне больше не на кого надеяться – только на тебя! Ведь ты все время мне указываешь, как поступать. Я не слушаюсь. То есть не всегда слушаюсь, но теперь я постараюсь...

Он брезгливо поморщился.

– Ева, если ты увидишь слизняка, что ты сделаешь?

– Слизняка? – переспросила я, не сразу сообразив, что он собирается поведать одну из своих глубокомысленных притч.

– Да, слизняка. Вот он ползет, липкий, жирный. Оставляя после себя такой же липкий след. Ты смотришь на него и стоишь перед дилеммой: раздавить его или нет. Если раздавишь – сам весь перепачкаешься. А если нет – он перепачкает всё вокруг. Всё, что тебе дорого...

– Пашка, ты это... обо мне?

– А ты как думаешь?

– Но почему?

– Как иначе относиться к человеку, который вечно шлепается в грязь? Который сам себя не уважает. Ты – жалкое ничтожество. Тебя никто никогда не будет любить. Запомни это: никто и никогда. Будут затаскивать в койку, а потом вышвыривать пинком под зад. Когда в очередной раз ты шлепнешься мордой в грязь, вспомни мои слова.

Я слушала его и растерянно хлопала глазами. Я даже не плакала почему-то, хотя от таких слов можно разрыдаться в три ручья. Я была просто-напросто обескуражена. Неужели я в самом деле вызываю такое презрение и ненависть? Разве я кого-то обидела, предала? Разве я подличала или хитрила? Так за что же он так меня ненавидит? Будто за уродство какое... Или... я в самом деле урод?.. Урод – я медленно

проникалась этим чувством. Урод, который отказывается от лечения и гордится своим уродством. На мгновение у меня перед глазами мелькнуло лицо Вада. Оказывается, мы с ним схожи, и он не случайно выбрал меня. Нет, это не так, не так! Пашка лжет, я ему не верю! Не верю!

Машина затормозила у старого краснокирпичного домика, где уже много-много лет, дожидаясь нового здания, ютилось отделение полиции.

– Иди и забери заявление, – просипел мне в спину братец, выпихивая меня на тротуар.

– Ты подождешь меня? – спросила я жалобно. – Подкинешь до дома?

– Я возвращаюсь в мэрию, – последовал ответ. – Доберешься как-нибудь сама. Служебная машина не предназначена для использования в личных целях.

Когда он говорил вот так, я не понимала – то ли он идиот, то ли просто издевается.

3

Орас вышел из больницы уже в темноте. Несколько минут он оглядывал стоянку, прикидывая, где может стоять его «Форд», потом вспомнил, что утром бросил изуродованную машину на шоссе. И сейчас наверняка она находится у него в гараже, а «Жигуль» Тосса, на котором Орас удрал от погони – у полиции. В больницу его доставила приехавшая по вызову полиции «скорая». Кажется, из всей утренней команды сюда его сопровождали только Толик и Ева. Но Еву он обозвал последними словами и выгнал как провинившуюся собачонку: он понимал, что должен, вспоминая эту безобразную сцену, испытывать чувство вины, но ничего не испытывал, абсолютно ничего. Толик уехал из больницы несколько часов назад вместе с Катериной, обещая пригнать для шефа «Мерс» из гаража, как только Орас позвонит. Но Орас не позвонил. Он просто забыл об этом. Он вообще забыл обо всем, сидя в этой маленькой темной комнатке с пищущими на разные голоса приборами, с темными экранами, по которым разбегались зеленые змейки сигналов.

Сейчас, стоя на полупустой стоянке и ежась от прохладного ночного ветерка, он раскладывал по полочкам все события этого безумного дня, будто надеялся найти в своих действиях ошибку, повлекшую за собой... Даже мысленно он не позволял себе обозначить подлинными словами то, что

произошло.

Его слегка знобило от полученной раны, и он подумал, что неплохо бы сейчас зайти в бар и выпить чего-нибудь покрепче, хотя обычно он пил лишь легкие вина, зная, что алкоголь разлагает энергопатию почти без остатка. В двух шагах от больницы находился его собственный бар. Орас безошибочно вычислил, что здесь никогда не переведутся посетители – тот, кто только что узнал о кончине близкого человека, тот, кто доставил жену в родильное отделение, тот, кто днем зашел навестить старика-родителя и не обнадежился его состоянием – все они найдут удобную тропинку, ведущую в маленький бар без окон, где подадут не только выпить, но и перекусить. Только он никогда не думал, что сам будет одним из посетителей.

Орас спустился вниз на несколько ступенек и вошел внутрь. Несмотря на позднее время, за столиком в углу сидело трое парней и три девицы. Его поразило вид одной из них – очень худая, черноволосая, с ярко накрашенным ртом, она пристально смотрела на нового посетителя выпуклыми черными, будто нарисованными глазами. Орас заказал водку и уселся на высокий табурет возле стойки. Девица следила за ним взглядом. Только теперь он вспомнил, что одет весьма странно – светлый пиджак с черными дырами от выстрела на плече и бурыми пятнами крови, а вместо безупречно белой сорочки – больничная пижамная куртка из полосатого ситца. Он заказал еще одну порцию выпить, опрокинул стакан

залпом и поднялся. Он не мог понять, сделалось ему легче или нет, но сидеть в баре остаток ночи и надираться до бесчувствия было нелепо.

Выйдя на улицу, Орас напрямиком направился к стоянке такси: обычно в любое время там можно было застать желтую машину с шахматной наколкой. Но в этот раз стоянка оказалась пустынной. Обескураженный, Орас остановился. Мелькнула мысль – не вызвать ли в самом деле Толика, сунул руку в карман... Черт возьми, мобильника не было – теперь он вспомнил, что выложил все вещи из карманов изуродованного пиджака, когда раздевался в больнице, и отдал их телохранителю. Только кошелек с мелочишкой остался в карманах брюк.

– Держите его! – раздался сзади женский голос.

«А вот и господа грабители», – мелькнуло в мозгу, когда двое дюжих парней вывернули ему руки за спину. Происшествие его не испугало, а скорее позабавило – он представил вытянутые физиономии налетчиков, когда они обнаружат, что им досталось несколько мятых бумажек. Но грабители не торопились его обыскивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.